

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР

КУПЕР

ЗВЕРОБОЙ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Кожаный Чулок

Джеймс Фенимор Купер

Зверобой

«Издательство АСТ»

1841

УДК 821.111-311.3(73)

ББК 84(7Coe)-44

Купер Д.

Зверобой / Д. Купер — «Издательство АСТ», 1841 — (Кожаный Чулок)

ISBN 978-5-17-156179-6

1740-е годы. К ослепительно сияющему горному озеру, где вместе с двумя дочерьми в уединении обитает Томас Хаттер – странный мрачный человек с загадочным прошлым, – приближаются двое случайных попутчиков – веселый Гарри-Непоседа, мечтающий жениться на красавице Джудит Хаттер, и совсем еще юный Натти Бампо, разыскивающий похищенную невесту лучшего друга – индейца Чингачгука. И никто из них не подозревает, чем вскоре обернется этот невинный визит... Приключенческий роман, одно из эталонных произведений жанра, на которое столетиями равняются авторы последующих времен. Первая часть увлекательной саги об охотнике Натаниэле Бампо по прозвищу Соколиный Глаз и бесстрашном могиканском воине Чингачгуке Большом Змее. Не однажды экранизированный «Зверобой», который был, есть и будет популярен всегда, пока существуют верность и честь, мужество и отвага.

УДК 821.111-311.3(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-156179-6

© Купер Д., 1841

© Издательство АСТ, 1841

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Глава III	24
Глава IV	33
Глава V	42
Глава VI	51
Глава VII	59
Глава VIII	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джеймс Фенимор Купер Зверобой

© Перевод, стихи. Н. Сидефон-Эристави, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава I

*Блаженств бесчисленно в темной дикой пуще,
Отрад немало мрачный берег таит,
Есть музыка и в вое волн ревущих,
А в пустоте согласие царит.
Люблю природу, смертный мне претит.
Лишь с ней наедине я забывал,
Чем был, чем быть бы мог и чем не стал,
И, бесконечный мир в себе скрывая,
Не выражу в словах, но ощущаю.*

Байрон. «Чайльд-Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопримечательный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период тот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем, четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона², как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покипси³, не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани⁴, еще до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван-Ренселеров⁵ – крепость с бойницами, проделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского втор-

¹ Перевод Н. Сидемон-Эристава.

² Г у д з о н – большая река, берущая начало в Адирондакских горах и впадающая в Атлантический океан у Нью-Йорка. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит теперь город Олбани.

³ П о к и п с и – город на берегу Гудзона (в его нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

⁴ О л б а н и – один из старейших городов США. Основан голландцами в 1614 году на берегу Гудзона. Теперь административный центр штата Нью-Йорк.

⁵ В а н – Р е н с е л е р ы – крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

жения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона, от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохоку⁶ и Скохари⁷. Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простиралось далеко вглубь Новой Англии⁸, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁹ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извивающимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизблемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

– Вот здесь можно перевести дух! – воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. – Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

– Ты знаешь это место? – спросил тот, кого звали Зверобоем. – Или закричал просто потому, что увидел солнце?

– И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю

⁶ М о х о к – приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани.

⁷ С к о х а р и – приток Мохока.

⁸ Н о в а я А н г л и я – область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁹ М о к а с и н ы – индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

«охотники за землей»¹⁰. Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии¹¹, и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой¹². Шести футов четырех дюймов¹³ росту, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо – под стать всему остальному – было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и, хотя суровая простота пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величаявая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности, и по характеру был совсем иного склада. Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твердости характера и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть – двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур – явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве, особенно заметная на оружии и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом¹⁴. Наоборот, Гарри Непоседа, по свойственной ли ему небрежности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

¹⁰ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на ней лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, еще не истощенных посевами земель.

¹¹ Колония – здесь: Олбани.

¹² Канадой называли тогда французские поселения в Северной Америке на реке Святого Лаврентия.

¹³ То есть около 190 сантиметров.

¹⁴ Вампум – разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса, или перевязи, заменял документы в общественных делах индейцев.

– Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары!¹⁵ – крикнул Непоседа и подал товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. – Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьем.

– Нет, нет, Непоседа, не так уж много мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру – это другое дело, – возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. – Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

– Делавары и сами не герои, – невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. – Иначе проклятые бродяги минги¹⁶ не превратили бы их в баб.

– Этого никто толком не знает и не понимает, – сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ – опасным врагом. – Минги наполнили леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаваарами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости любому другому народу.

– Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, который тоже способен спустить курок на тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием побахвалиться и честностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над ложной гордостью.

– По совести говоря, ни разу, – ответил Зверобой, – для этого не представлялось подходящего случая. Делавары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

– Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

– Я не траппер¹⁷, Непоседа, – ответил юноша гордо. – Я добываю себе на жизнь карабином и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает еще одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

– Ай, ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индейца – это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приемами. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, война. Чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдешь зверя немного повыше четырех футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

¹⁵ Д е л а в а р ы, или л е н н и – л е н а п е, как они сами себя называли, – индейское племя, населявшее в XVII–XVIII веках долину Делавар и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, боровшийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.

¹⁶ М и н г и – так презрительно называли делавары гуронов, или венандотов, принадлежавших к одной из групп ирокезских племен, живших в XVII–XVIII веках по берегам озер Онтарио и Гурона и реки Святого Лаврентия. Гуроно вела длительную борьбу с делаваарами во время англо-французских войн они поддерживали французов.

¹⁷ Т р а п п е р о м называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

– Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, он не погнушается человеком, который еще не убил никого из своих ближних.

– Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру-делаваара в такое раннее время года? – пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и презрение. – И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

– У невысокого утеса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этом утесе я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и утес совершенно незнакомы. Этой страной сообща владеют минги и могикане¹⁸: в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному богу известно, что может там твориться во время войны.

– «Сообща»! – воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. – Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавучий Том – Хаттер. По праву пятнадцатилетнего бесспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

– А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

– Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

– Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

– Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Повадками он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кида, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

– Он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

– Он, вероятно, думает об этом иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без развлечений; знавал и других, которые лучше всего чувствовали себя, сидя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знавал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется очень спокойно. Живет себе припеваючи вместе со своими дочками.

– Ах, так у него есть дочери! От делаваров, которые охотились в здешних местах я слышал целые истории про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

– Когда-то была. Но она умерла и была брошена в воду года два назад.

– Как так? – воскликнул Зверобой, с удивлением глядя на товарища.

– Умерла и брошена в воду, говорю я – и надеюсь, что на достаточно чистом английском языке. Старик спустил тело жены в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при этой церемонии. Но хотел ли он

¹⁸ М о г и к а н е – индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могикане входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.

избавить себя от труда рыть могилу – что не так-то легко в лесу среди корней, – или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, право, не берусь сказать.

– Должно быть, бедная женщина была большая грешница, если муж не хотел потрудиться для успокоения ее косточек.

– Не слишком большая грешница, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Джудит Хаттер была достойная женщина, насколько это возможно для женщины, жившей так долго вдали от церковного звона, но, по-видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер – настоящий кремь, то подчас между ними вспыхивали искры. Но, в общем, можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в темные чащи леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду почитать Джудит, потому что она была матерью такого создания, как Джудит Хаттер, ее дочка.

– Да, делавары упоминали имя «Джудит», хотя и произносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

– В твоем вкусе! – воскликнул Марч, взбешенный равнодушным и высокомерным тоном товарища. – Какого черта ты суешься со своим вкусом, когда речь идет о такой девушке, как Джудит! Ты еще мальчишка, зеленый юнец, едва успевший глаза раскрыть. За Джудит уже ухаживали мужчины, когда ей было всего пятнадцать лет, то есть без малого пять лет назад. Да она и не взглянет на такого молокососа, как ты.

– Теперь июнь, и на небе ни облачка, Непоседа, так что весь этот жар ни к чему, – ответил невозмутимо Зверобой. – У каждого свой вкус, и даже белка имеет право судить о дикой кошке.

– Но не слишком умно с ее стороны сообщать о своем мнении дикой кошке, – проворчал Марч. – Впрочем, ты молод и еще несмышлениш, поэтому я прощаю тебе твое невежество. Послушай, Зверобой, – с добродушным смехом прибавил он после недолгого размышления, – послушай, Зверобой: мы с тобой поклялись быть друзьями и, конечно, не станем ссориться из-за легкомысленной вертушки только потому, что она случайно уродилась хорошенькой, тем более что ты никогда не видел ее. Джудит создана для мужчины, у которого уже прорезались все зубы, и глупо мне опасаться мальчика... Что же говорили делавары об этой плутовке? В конце концов, индеец может судить о женщинах не хуже, чем белый.

– Они говорили, что она хороша собой, приятна в разговоре, но слишком любит окружать себя поклонниками и очень ветрена.

– Сущие черти! Впрочем, какой школьный учитель может потягаться с индейцем там, где речь идет о природе! Некоторые думают, что индейцы пригодны только для охоты и для войны, но я говорю, что это мудрецы и разбираются они в мужчинах так же хорошо, как в бобрах, а в женщинах не хуже, чем в тех и других. Характер у Джудит в точности такой! Говоря по правде, Зверобой, я женился бы на этой девчонке еще два года назад, если бы не две особые причины, и одна из них – в этом самом легкомыслии.

– А в чем же вторая? – спросил охотник, продолжая есть и, очевидно, мало интересуясь разговором.

– А вторая – в том, что я не уверен, пожелает ли она выйти за меня. Плутовка красива и знает это. Юноша! На этих холмах нет дерева более стройного, дуновения ветра более нежного, и ты никогда не видел лани, которая прыгала бы с большей легкостью. Ее бы прославляли в один голос, не будь у нее недостатков, которые слишком бросаются в глаза. Иногда я даю клятву больше не ходить на озеро.

– Вот почему ты всегда возвращаешься к нему! Видишь, никогда не следует клясться.

– Ах, Зверобой, ты новичок в этих делах! Ты такой благонравный, как будто никогда в жизни не покидал города. Я – иное дело. Какая бы мысль ни пришла мне в голову, мне всегда хочется выругаться. Если бы ты знал Джудит, как знаю ее я, то понял бы, что иногда прости-

тельно чуточку посквернословить. Случается, что офицеры из фортов на Мохоке приезжают на озеро ловить рыбу и охотиться, и тогда это создание совсем теряет голову. Как она начинает тогда рядиться и какую напускает на себя важность в присутствии своих ухажеров!

– Это не подобает дочери бедного человека, – ответил Зверобой степенно. – Все офицеры – дворянского происхождения и на такую девушку, как Джудит, могут смотреть только с дурными намерениями.

– Это меня и бесит, и успокаивает. Я, правда, побаиваюсь одного капитана, и Джудит должна винить только себя и свою дурь, если я неправ. Но, вообще говоря, я склонен считать ее скромной и порядочной девушкой, хотя даже облака, плывущие над этими холмами, не так переменчивы, как она. Вряд ли довелось ей встретить дюжину белых, с тех пор как она перестала быть ребенком, а поглядел бы ты, как она форсит перед офицерами!

– Я бы давно бросил думать о такой девушке и занялся бы только лесом. Лес никогда не обманет.

– Если бы ты знал Джудит, то понял бы, что это гораздо легче сказать, чем сделать. Будь я спокоен насчет офицеров, силой бы утащил девчонку к себе на Мохок, заставил бы ее выйти за меня замуж, несмотря на все ее капризы, и оставил бы старика Тома на попечение Хетти, его второй дочери; та хоть и не так красива и бойка, как ее сестрица, зато гораздо лучше понимает свои обязанности.

– Стало быть, еще одна птица из того же гнезда? – с некоторым удивлением спросил Зверобой. – Делавары говорили мне только об одной.

– Не мудрено, что, когда говорят о Джудит Хаттер, забывают о Хетти Хаттер. Хетти всего лишь мила, тогда как ее сестра... Говорю тебе, юноша, другой такой не сыщешь отсюда до самого моря! Джудит бойка, речиста и лукава, как старый индейский оратор, тогда как бедная Хетти в лучшем случае только «Так указывает компас».

– Что такое? – переспросил Зверобой.

– Да это офицеры ее прозвали: «Так указывает компас». Я полагаю, они хотели этим сказать, что она всегда старается идти в должном направлении, но иногда не знает, как это сделать. Нет, бедная Хетти совсем дурочка и постоянно сбивается с прямого пути то в одну, то в другую сторону. Старый Том очень любит девчонку, да и Джудит тоже, хотя сама она бойка и тщеславна. Не будь этого, я бы не поручился за безопасность Хетти среди людей такого сорта, какой иногда попадает на берегах озера.

– Мне казалось, что люди здесь появляются редко, – сказал Зверобой, видимо, обеспокоенный мыслью, что он так близко подошел к границам обитаемого мира.

– Это правда, парень, едва ли два десятка белых видели Хетти. Но двадцать заправских пограничных жителей – охотников-трапперов и разведчиков – могут натворить бед, если постараются. Знаешь, Зверобой, я буду в отчаянии, если, вернувшись после шестимесячной отлучки, застану Джудит уже замужем...

– Девушка призналась тебе в любви или как-нибудь обнадежила тебя?

– Вовсе нет! Право, не знаю, в чем тут дело. Ведь я не дурен собой, парень. Так мне, по крайней мере, кажется, когда я гляжусь в родник, освещенный солнцем. Однако я никогда не мог вынудить у этой плутовки обещание выйти за меня замуж, не мог добиться от нее ласковой улыбки, хотя она готова хохотать целыми часами. Если она осмелилась обвенчаться в мое отсутствие, то узнает все радости вдовства, не дожив и до двадцати лет.

– Неужели, Гарри, ты способен сделать что-либо худое человеку только потому, что он пришелся ей по душе больше, чем ты?

– А почему бы и нет? Если соперник встанет на моем пути, как не отшвырнуть его в сторону? Погляди на меня! Такой ли я человек, чтобы позволить какому-нибудь пронице и плуту, торговцу пушниной, взять надо мной верх в таком важном для меня деле, как расположение Джудит Хаттер. Да ведь мы здесь живем без законов и поневоле должны сами быть и судьями

и палачами. Когда в лесу найдут мертвое тело, кто скажет, где убийца, хотя бы в Колонии и занялись этим делом и подняли шум?

– Если убитый окажется мужем Джудит Хаттер, то после всего, что ты сказал мне, я сумею направить людей из Колонии по верному следу.

– Ты, молокосос, мальчишка, гоняющийся за дичью, ты смеешь грозить доносом Гарри Непоседе, будто это так же просто, как свернуть голову цыпленку?!

– Я не побоюсь сказать правду, Непоседа, о тебе, так же как и о любом человеке, кем бы он ни был.

С минуту Марч глядел на товарища с молчаливым изумлением. Потом, схватив Зверобоя обеими руками за горло, он встряхнул его легкое тело с такой силой, словно хотел переломать ему все кости. Марч не шутил: гнев пылал в его глазах. Но Зверобой не испугался. Лицо его не изменилось, рука не дрогнула, и он сказал спокойным голосом:

– Ты можешь трясти меня, Непоседа, пока не расштатаешь гору, и все-таки ничего, кроме правды, из меня не вытрясешь. Весьма вероятно, что у Джудит Хаттер еще нет мужа, которого ты мог бы убить, и у тебя не будет случая подстеречь его. Но если она замужем, я при первой же встрече скажу ей о твоей угрозе.

Марч разжал пальцы и молча сел, не сводя удивленных глаз со своего спутника.

– До сих пор я думал, что мы друзья, – вымолвил он наконец. – Но это моя последняя тайна, которая дошла до твоих ушей.

– Я не желаю знать твои тайны, если все они в том же роде. Я знаю, что мы живем в лесах, Непоседа, и считаем себя свободными от людских законов. Быть может, это отчасти правильно. Но все-таки есть закон, который властвует над всей Вселенной, и тот, кто пренебрегает им, пусть не зовет меня своим другом.

– Черт меня побери, Зверобой, я и не предполагал, что в душе ты близок к моравским братьям¹⁹; а я-то думал, что ты честный, прямодушный охотник, за какого выдаешь себя!

– Честен я или нет, Непоседа, во всяком случае, я всегда буду так же прямодушен на деле, и на словах. Но глупо поддаваться внезапному гневу. Это только доказывает, как мало ты жил среди краснокожих. Без сомнения, Джудит Хаттер еще не замужем, и ты говорил то, что взбрело тебе на язык, а не то, что подсказывает сердце. Вот тебе моя рука, и не будем больше говорить и вспоминать об этом.

Непоседа, как видно, удивился еще больше. Но потом захохотал так добродушно и громко, что даже слезы выступили у него на глазах.

Он пожал протянутую руку, и оба спутника опять стали друзьями.

– Из-за такой-то пустой мысли ссориться глупо! – воскликнул Марч, снова принимаясь за еду. – Это больше пристало городским законникам, чем разумным людям, которые живут в лесу. Мне рассказывали, Зверобой, что в нижних графствах²⁰ многие портят себе кровь из-за своих мыслей и доходят при этом до самой крайности.

– Так оно и есть, так оно и есть... От моравских братьев я слышал, что существуют такие страны, где люди ссорятся даже из-за религии, а уж если дело доходит до этого, то смилуйся над ними боже. Однако мы не станем следовать их примеру, особенно из-за мужа, которого у Джудит Хаттер, быть может, никогда и не будет. А меня больше интересует слабоумная сестра, чем твоя красавица. Нельзя остаться равнодушным, встречая ближнего, который хотя и по

¹⁹ М о р а в с к и е б р а т ь я – члены чешской религиозной секты, основанной в XV веке. В XVIII веке они вели миссионерскую работу среди индейцев Северной Америки, главным образом среди делаваров. Моравские братья написали о делавах несколько книг. Книги эти очень интересны, потому что миссионеры видели делаваров тогда, когда их почти еще не коснулось влияние белых.

²⁰ Н и ж н и е г р а ф с т в а – то есть области, расположенные по нижнему течению рек Гудзона и Саскуиханны. В то время, когда происходит действие романа, нижние графства были более населенными, чем пустынные места в верховьях Саскуиханны, где бродили Зверобой и Непоседа.

внешности напоминает самого обыкновенного смертного, но на деле совсем не таков, потому что ему не хватает разума. Это тяжело даже мужчине, но когда это случается с женщиной, с юным, обаятельным существом, то пробуждает самые жалостливые мысли, какие только могут появиться у тебя. Видит бог, Непоседа, эти бедные создания достаточно беззащитны даже в здравом уме. Какая же страшная судьба ожидает их, если этот великий покровитель и вожатый изменяет им!

– Слушай, Зверобой! Ты знаешь, что за народ трапперы – охотники и торговцы пушной. Их лучший друг не станет отрицать, что они упрямы и любят идти своей дорогой, не слишком считаясь с правами и чувствами других людей. И, однако, я не думаю, чтобы во всей здешней местности нашелся хотя бы один человек, способный обидеть Хетти Хаттер. Нет, даже индеец не решится на это.

– Наконец-то, друг Непоседа, ты начинаешь справедливо судить о делаварах и о других союзных им племенах. Рад слышать это. Однако солнце уже перевалило за полдень, и нам лучше снова тронуться в путь, чтобы поглядеть наконец на этих замечательных сестер.

Гарри Марч весело изъявил свое согласие, и с остатками завтрака скоро было покончено. Затем путники навьючили на себя котомки, взяли ружья и, покинув залитую солнечным светом поляну, снова углубились в лесную тень.

Глава II

*Бросает край зеленый твой,
Охотничий приют.
Ты не останешься со мной,
Пока цветы цветут.*

«Записки женщины»²¹

Идти оставалось уже немного. Отыскав поляну с родником, Непоседа правильно определил направление и теперь продвигался вперед уверенной поступью человека, знающего, куда ведет дорога.

В лесу стоял глубокий сумрак, однако ноги легко ступали по сухой и твердой почве, не загроможденной валежником. Пройдя около мили, Марч остановился и начал озираться по сторонам. Он внимательно рассматривал окружающие предметы, задерживая иногда взор на древесных стволах, которые валялись повсюду, как это часто бывает в американских лесах, особенно там, где дерево еще не приобрело рыночной ценности.

– Кажется, это то самое место, Зверобой, – наконец произнес Марч. – Вот бук рядом с хемлоком,²² вот три сосны, а там, немного поодаль, белая береза со сломанной верхушкой. И, однако, что-то не видно ни скалы, ни пригнутых ветвей, о которых я тебе говорил.

– Сломанные ветви – нехитрая примета для обозначения пути: даже самые неопытные люди знают, что ветви редко ломаются сами собой, – ответил собеседник. – Поэтому они возбуждают подозрение и наводят на след. Делавары доверяют сломанным ветвям только во время всеобщего мира да на проторенной тропе. А буки, сосны и березы можно увидеть всюду, и не по два или по три дерева, а десятками и сотнями.

– Твоя правда, Зверобой, но ты не принимаешь в расчет их расположения. Вот бук и рядом с ним хемлок.

– Да, а вот другой дуб и другой хемлок, любовно обнявшись, как два братца или, пожалуй, поласковее, чем иные братья. А вон еще и другие... Все эти деревья здесь не редкость. Боюсь, Непоседа, что тебе легче выследить бобра или подстрелить медведя, чем служить проводником на такой непроторенной тропе... Ба! Да вон и то, что ты ищешь.

– На этот раз, Зверобой, это одна из твоих делаварских выдумок! Пусть меня повесят, если я вижу здесь что-нибудь, кроме деревьев, которые столпились вокруг нас самым странным образом.

– Глянь-ка сюда, Непоседа! Разве ты не замечаешь вот здесь, на одной линии с этим черным дубом, склонившееся молодое деревце, которое поддерживают ветви кустарника? Это дерево было засыпано снегом и согнулось под его тяжестью; оно никогда не смогло бы снова выпрямиться и окрепнуть. Рука человека помогла ему.

– Это моя рука помогла ему! – воскликнул Непоседа. – Я увидел хрупкое молодое деревце, приникшее к земле, словно живое существо, согбенное горем, и поставил его так, как оно стоит теперь... Ну, Зверобой, я должен признаться, что у тебя в лесу действительно острое зрение.

– Мое зрение становится острее, Непоседа, оно становится острее, я допускаю это, но все же у меня еще глаз ребенка по сравнению кое с кем из моих краснокожих знакомых. Взять

²¹ Перевод Н. Сидемон-Эристава.

²² Х е м л о к – дерево из породы хвойных, растущее в Северной Америке.

хоть Таменунда. Правда, он теперь так стар, что лишь немногие помнят, каким он был во цвете лет, однако ничто не ускользает от его взгляда, больше напоминающего собачье чутье, чем зрение человека. Затем Ункас, отец Чингачгук и законный вождь могикиан; от его взгляда тоже немислимо укрыться. Я делаю успехи... допускаю, что делаю успехи... но мне еще далеко до совершенства.

– А кто такой этот Чингачгук, о котором ты так много толкуешь. Зверобой? – спросил Непоседа, направляясь к выпрямленному деревцу. – Какой-нибудь бродяга-краснокожий, конечно?

– Он самый лучший из бродяг-краснокожих, как ты их называешь. Если бы он мог вступить в свои законные права, то стал бы великим вождем. Теперь же он всего лишь храбрый и справедливый делавар. Правда, все уважают его и даже повинуются ему в некоторых случаях, но все-таки он потомок захудалого рода, представитель исчезнувшего племени. Ах, Гарри Марч, тепло становится на сердце, когда в зимнюю ночь сидишь у них в вигваме²³ и слушаешь предания о стародавнем величии и могуществе могикиан!

– Слушай, друг Натаниэль, – сказал Непоседа, останавливаясь и заглядывая прямо в лицо товарищу, чтобы придать больше весу своим словам, – если человек верит всему, что другие люди считают нужным говорить в свою пользу, у него создается преувеличенное мнение о них и преуменьшенное о себе. Краснокожие – известные хвастуны, и, по-моему, добрая половина их преданий – пустая болтовня.

– Не стану спорить, Непоседа, ты прав. Они действительно любят похвастать. Это их природная особенность, и грешно не давать ей развиваться... Стоп! Вот место, которое мы ищем.

Разговор был прерван этим замечанием, и оба товарища устремили все свое внимание на предмет, находившийся прямо перед ними. Зверобой указал своему спутнику на ствол огромной липы, которая отжила свой век и упала от собственной тяжести. Это дерево, подобно миллионам своих собратьев, лежало там, где свалилось, и гнило под действием постоянной смены тепла и холода, дождей и засухи. Тление, однако, затронуло сердцевину еще тогда, когда дерево стояло совершенно прямо, во всей красе своего мощного роста, подобно тому как скрытая болезнь иногда подтачивает жизненные силы человека, а сторонний наблюдатель видит только здоровую внешность. Теперь ствол лежал на земле, вытянувшись в длину на добрую сотню футов, и зоркий взгляд охотника сразу распознал в нем по некоторым признакам то самое дерево, которое разыскивал Марч.

– Ага! Оно-то нам и нужно! – воскликнул Непоседа. – Все в полной сохранности, как будто пролежало в шкафу у старухи. Помоги мне, Зверобой, и через полчаса мы будем уже на воде.

Охотник тотчас же присоединился к товарищу, и оба взялись за работу усердно и умело, как люди, которым все это не в новинку. Прежде всего Непоседа сбросил куски коры, которые прикрывали широкое дупло в одном конце ствола и, по словам Зверобоя, были положены таким образом, что скорее привлекли бы внимание, чем скрыли тайник, если бы мимо прошел какой-нибудь бродяга. Затем они вытащили из дупла изготовленную из коры пирогу со скамьями, веслами и рыболовными принадлежностями, вплоть до крючков и лесок. Пирог была отнюдь не малых размеров, но сравнительно легкая. Природа же наделила Непоседу такой исполинской силой, что, отказавшись от помощи, он без всякого усилия поднял пирогу себе на плечи.

– Иди вперед, Зверобой, – сказал Марч, – и раздвигай кусты, с остальным я и сам управлюсь.

²³ В и г в а м – жилище индейцев.

Юноша не возражал, и они тронулись в путь. Зверобой прокладывал дорогу товарищу, сворачивая по его указанию то вправо, то влево. Минут через десять они внезапно увидели яркий солнечный свет и очутились на песчаной косе, которая с трех сторон омывалась водой.

Когда Зверобой увидел это непривычное зрелище, крик изумления вырвался из его уст, – правда, крик негромкий и сдержанный, ибо молодой охотник был гораздо осторожнее и предусмотрительнее, чем необузданный Непоседа. Картина, внезапно открывшаяся перед ними, действительно была так поразительна, что заслуживает особого описания. На одном уровне с косой расстилалась широкая водная поверхность, такая спокойная и прозрачная, что казалась ложем из чистого горного воздуха, окруженным со всех сторон холмами и лесами. В длину озеро имело около трех миль. В ширину оно достигало полумили, а против косы даже более; далее к югу оно суживалось до половины. Берега имели неправильные очертания и изобиловали заливами и острыми низкими мысами. На севере озеро замыкалось одиноко стоящей горой, на запад и на восток от нее простирались низменности, приятно разнообразившие горизонт. Все же общий характер местности был гористый. Высокие холмы или небольшие горы круто поднимались из воды на протяжении девяти десятых берега. И даже в тех местах, где берег был довольно пологий, в некотором отдалении виднелись возвышенности.

Но больше всего в этом пейзаже поражали его величавая пустыньность и сладостное спокойствие. Всюду, куда ни кинешь взор, только зеркальная поверхность воды да безмятежное небо в рамке густых лесов. Пышный и плотный покров леса тщательно скрывал от взоров землю. Нигде ни единой прогалины. Повсюду, от берегов до закругленных горных вершин, сплошной зеленой пеленой тянулись леса. Но растительность, казалось, не хотела довольствоваться даже столь полной победой: деревья свисали над самым озером, вытягиваясь по направлению к свету. Вдоль восточного берега можно было целые мили плыть под ветвями темных рамбрантовских²⁴ хемлоков, трепетных осин и меланхолических сосен. Короче говоря, рука человека еще никогда не уродовала этого дикого пейзажа, купающегося в солнечных лучах, этого великолепного лесного величия, нежащегося в июньском благоухании.

– Это грандиозно! Прекрасно! Сам становишься лучше, как поглядишь на это! – восклицал Зверобой, опершись на свой карабин и оглядываясь кругом – направо и налево, на юг и на север, на небо и на землю. – Я вижу, что даже рука краснокожего не тронула здесь ни единого дерева. Ну, Непоседа, твоя Джудит, должно быть, благонравная и рассудительная девушка, если она, как ты говоришь, провела полжизни в таком благословенном месте.

– Это сущая правда. Но у девочки есть свои причуды. Впрочем, она не все время живет здесь – старик Хаттер имеет обыкновение проводить зиму в поселениях колонистов или поблизости от фортов. Нет, нет, Джуди, на свою беду, набралась кое-чего у колонистов и особенно у шаркунов-офицеров.

– В таком случае, Непоседа, вот школа, которая может ее исправить. Скажи, однако, что это вон там, прямо против нас? Для острова это слишком мало, а для лодки слишком велико, хотя стоит как раз посреди озера.

– Щеголи из форта прозвали это замком Водяной Крысы, и сам старик Том скалит зубы, слыша это название, которое как нельзя лучше подходит к его свойствам и привычкам. Это его постоянный дом; у него их два: один, который никогда не двигается с места, и второй, который плавает и поэтому находится то в одной, то в другой части озера. Он называется ковчегом, хотя я не берусь объяснить тебе, что значит это слово.

– Оно пошлет от миссионеров, Непоседа; они при мне рассказывали и читали об этой штуке. Они говорят, что земля была когда-то вся покрыта водой и Ной со своими детьми спасся, построив судно, называвшееся ковчегом. Одни делавары верят этому преданию, другие

²⁴ Р е м б р а н д т (1608–1669) – великий голландский художник. Владел непревзойденным мастерством передачи игры света и тени.

не верят. Мы с тобой белые христиане. Нам подобает верить... Однако не видишь ли ты где-нибудь этот ковчег?

– Он, должно быть, отплыл к югу или стоит на якоре где-нибудь, в заводи. Но наша пирога уже готова, и пара таких весел, как твое и мое, за четверть часа доставит нас к замку.

После этого замечания Зверобой помог товарищу уложить вещи в пирогу, уже спущенную на воду. Затем оба пограничных жителя вошли в нее и сильным толчком отогнали легкое судно ярдов на восемь или десять от берега.

Непоседа сел на корму, Зверобой устроился на носу, и под неторопливыми, но упорными ударами весел пирога начала скользить по водной глади, направляясь к странному сооружению, прозванному замком Водяной Крысы. Обогнув мыс, спутники время от времени переставали грести, оглядываясь на окружающий пейзаж. Перед ними открылся широкий вид на противоположный берег озера и на поросшие лесом горы. Изменились лишь формы холмов и очертания заливов; далеко на юг простиралась долина, которую они раньше не видели. Вся земля казалась одетой в праздничный наряд из зеленой листвы.

– Это зрелище согревает душу! – воскликнул Зверобой, когда они остановились в четвертый или в пятый раз. – Озеро как будто для того и создано, чтобы мы могли поглубже заглянуть в величественные лесные дубравы. И ты говоришь, Непоседа, что никто не считает себя законным владельцем этих красот?

– Никто, кроме короля, парень. У него, быть может, есть какие-то права на это озеро, но он живет так далеко, что его притязания никогда не потревожат старого Тома Хаттера, который владеет всем этим и собирается владеть, покуда будет жив. Том не скваттер²⁵, у него нет земли. Я прозвал его Плавуном.

– Завидую этому человеку! Знаю, что нехорошо, и постараюсь подавить это чувство, но все-таки завидую этому человеку. Не думай, пожалуйста, Непоседа, что я хочу забраться в его мокасины, такой мысли нет у меня на уме, но не завидовать ему не могу. Это естественное чувство; у самых лучших из нас есть такие естественные чувства, которым подчас даешь волю.

– Тебе надо только жениться на Хетти, чтоб наследовать половину этого поместья! – воскликнул Непоседа со смехом. – Очень милая девушка! Не будь у нее сестры красавицы, она могла бы казаться почти хорошенькой; а разума у нее так мало, что ты легко можешь заставить ее смотреть на все твоими глазами. Женись на Хетти, и ручаюсь, что старик уступит тебе дичь, которую ты сможешь подстрелить на расстоянии пяти миль от озера.

– А здесь много дичи? – быстро спросил Зверобой, не обращая внимания на насмешки Марча.

– Да, здесь дичи повсюду полным-полно. Едва ли кто-нибудь хоть раз спускал против нее курок, а что касается трапперов, то они редко сюда забредают. Я бы и сам околачивался здесь, но бобр тянет в одну сторону, а Джуди – в другую. За последние два года эта девчонка стоила мне больше сотни испанских долларов²⁶, и, однако, я не могу избавиться от желания взглянуть еще раз на ее личико.

– А краснокожие часто посещают это озеро, Непоседа? – спросил Зверобой, думая о своем.

– Они приходят и уходят, иногда в одиночку, иногда небольшими группами. Видимо, ни одно туземное племя в отдельности не владеет этой страной, и потому она попала в руки племени Хаттеров. Старик говорил мне, что некоторые проныры подбивали жителей Мохока на войну с индейцами, чтобы получить от Колонии право на эту землю. Однако ничего не вышло:

²⁵ С к в а т т е р – колонист, расчистивший участок девственного леса и занимающийся на этом участке земледелием.

²⁶ В XVI–XVII веках основными поставщиками серебра на мировые рынки были испанские владения в Америке – Мексика и Перу. Испанские серебряные монеты (главным образом – пиастры) имели хождение в Европе, Азии и Америке. Часто их называли испанскими долларами.

до сих пор не нашлось человека настолько сильного, чтобы заняться этим делом. Охотники и поныне имеют право свободно бродить по здешним дебрям.

– Тем лучше, Непоседа, тем лучше. Будь я королем Англии, я издал бы указ, по которому всякий человек, срубивший хоть одно из этих деревьев, не нуждаясь по-настоящему в строевом лесу, должен быть изгнан в пустынные и бесплодные места, где никогда не ступал ни один зверь. Я, право, рад, что Чингачгук назначил мне свидание на этом озере; мне никогда еще не доводилось видеть такое великолепное зрелище.

– Это потому, что ты жил так далеко, среди делаваров, в стране, где нет озер. Но далее к северу и к западу сколько угодно таких водоемов. Ты молод и еще можешь увидеть их много... Да, на свете есть еще другие озера, Зверобой, но нет другой Джудит Хаттер!

В ответ на это замечание Зверобой улыбнулся и поспешно погрузил свое весло в воду, как бы разделяя волнение влюбленного. Оба гребли изо всех сил, пока не очутились в сотне ярдов от «замка», как Непоседа в шутку называл дом Хаттера. Тут они опять бросили весла. Поклонник Джудит подавил свое нетерпение, заметив, что дом в настоящее время, видимо, пуст. Эта новая остановка позволила Зверобою осмотреть своеобразную постройку, которая заслуживает особого описания.

Замок Водяной Крысы – так этот дом был прозван каким-то остряком-офицером – стоял посреди озера на расстоянии четверти мили от ближайшего берега. Во все другие стороны вода простиралась гораздо дальше; до северного конца озера было мили две, и целая миля, если не больше, отделяла дом от восточного берега. Нигде нельзя было заметить никаких признаков острова. Дом стоял на сваях, под ним плескалась вода. Между тем Зверобой уже успел заметить, что озеро отличается изрядной глубиной, и попросил объяснить ему это странное обстоятельство. Непоседа разъяснил загадку, сказав, что в этом месте тянется длинная узкая отмель на протяжении нескольких сот ярдов к северу и к югу и всего в шести или восьми футах от поверхности воды и что Хаттер вколотил сваи в эту отмель и поставил на них свой дом ради пущей безопасности.

Жилье старика раза три поджигали индейцы и охотники, а в стычке с краснокожими он потерял единственного сына. После этого он и переселился на воду. Здесь на него можно напасть только с лодки, а даже скальпы и богатая добыча вряд ли стоят того, чтобы ради них выдалбливать пирогу. Кроме того, в такую драку пускаться небезопасно, потому что у старика Тома много оружия, а стены замка, как ты видишь, достаточно толсты, чтобы защитить человека от пуль.

Зверобой получил от пограничников кое-какие теоретические сведения о военном искусстве, хотя ему до сих пор еще никогда не случалось поднимать руку на человека. Он убедился, что Непоседа нисколько не преувеличивает силу позиции Хаттера в военном отношении. И действительно, атаковать «замок», не попав при этом под огонь осажденных, было бы трудно. Немалое искусство сказывалось и в расположении бревен, из которых было построено здание, благодаря чему обороняться в нем было гораздо проще, чем в обычных деревянных хижинах на границе. Все стены «замка» были воздвигнуты из больших сосновых стволов длиной около девяти футов, поставленных стоймя, а не положенных горизонтально, как это водится в тамошних краях. Бревна были обтесаны с трех сторон и по обоим концам снабжены большими шипами. В массивной настилке, прикрепленной к верхним концам свай, Хаттер выдолбил желоба и прочно утвердил в них нижние шипы бревен. На верхние концы этих бревен он положил доски, удерживающие их на месте с помощью такого же приспособления. Углы постройки Хаттер прочно скрепил настилом и досками. Полы он сделал из обтесанных бревен меньшего размера, а кровлю – из тонких жердей, плотно сдвинутых и основательно прикрытых древесной корой. В конце концов у хозяина получился дом, к которому можно было приблизиться только по воде. Стены из прочно скрепленных между собой бревен имели в толщину не менее двух футов даже в самых тонких местах. Разрушить их могли только напряженные уси-

лия человеческих рук или медленное действие времени. Снаружи постройка выглядела грубой и невзрачной, так как бревна были неодинаковы в обхвате, но внутри дома гладко обтесанная поверхность стен и полов казалась достаточно ровной как на глаз, так и на ощупь. К числу достопримечательностей «замка» принадлежали дымовая труба и очаг. Непоседа обратил на них внимание своего товарища и рассказал, как они были построены. Материалом послужила густая, основательно размешанная глина, которую укладывали в сплетенные из ветвей формы высотой в фут или два и высушивали, начиная с основания. Когда таким образом вся труба была возведена целиком, под ней развели жаркий огонь и поддерживали до тех пор, пока глина не превратилась в некое подобие кирпича. Это была нелегкая работа, и она не сразу увенчалась полным успехом. Но, заполняя трещины свежей глиной, удалось в конце концов получить довольно прочный очаг и трубу. Эта часть постройки покоилась на бревенчатом полу, поддерживаемом снизу добавочной сваей. Строение имело и другие особенности, о которых лучше будет рассказать дальше.

– Старый Том хитер на выдумки, – прибавил Непоседа, – и он все сердце вложил в эту трубу, которая не раз грозила обвалиться. Но терпение и труд все перетрут, и теперь у него очень уютная хижина, хотя она и может когда-нибудь вспыхнуть, как куча сухих стружек.

– Ты, Непоседа, как видно, знаешь всю историю замка, с его очагом и стенами, – сказал Зверобой, улыбаясь. – Неужели любовь так сильна, что заставляет мужчину изучать даже историю жилища своей любезной?

– Отчасти так, парень, – смеясь, сказал добродушный великан, – но кое-что я видел собственными глазами. В то лето, когда старик начал строиться, здесь, у нас на озере, подобралась довольно большая компания, и все мы помогали ему в работе. Немало этих самых бревен я перетаскал на собственных плечах и могу заверить тебя, мастер Натти, что топоры только сверкали в воздухе, когда мы орудовали среди деревьев на берегу. Старый черт не скупился на угощение, а мы так часто ели у его очага, что решили в благодарность построить ему удобный дом, прежде чем уйти в Олбани продавать добытые нами шкуры. Да, много всякой снеди умял я в хижине Тома Хаттера, а Хетти хотя и глуповата, но удивительно ловко умеет обращаться со сковородкой и жаровней.

Беседуя таким образом, они подплыли к «замку» настолько близко, что достаточно было одного удара веслом и пирога стала борт о борт с пристанью. Роль пристани выполняла дощатая платформа перед входом, имевшая около двадцати футов в квадрате.

– Старый Том называет этот причал своей приемной, – заметил Непоседа, привязывая пирогу. – Я полагаю, что сейчас дома нет ни души. Вся семейка отправилась путешествовать по озеру.

Пока Непоседа топтался на платформе, рассматривая остроги, удочки, сети и другие необходимые принадлежности пограничного жилья, Зверобой вошел в дом, озираясь с любопытством, которое не часто выказывают люди, издавна привыкшие жить среди индейцев. Внутри «замка» все отличалось безукоризненной опрятностью. Жилое помещение, имевшее двадцать футов в ширину и сорок в длину, было разделено на несколько крохотных спаленок, – а комната, в которую проник Зверобой, очевидно, служила для семьи кухней, столовой и гостиной. Мебель разнокалиберная, как это часто встречалось на далеких окраинах. Большая часть вещей отличалась грубой и крайне примитивной выделкой. Впрочем, здесь были также настенные часы в красивом футляре из черного дерева, два или три стула, обеденный стол и бюро с претензиями на не совсем обычную роскошь, очевидно, попавшие сюда из какого-то другого жилища. Часы прилежно тикали, но свинцовые стрелки упрямо показывали одиннадцать, хотя по солнцу было видно, что уже перевалило далеко за полдень. Стоял здесь и темный массивный сундук. Кухонная посуда была самая простая и скудная, но каждый предмет имел свое место, и видно было, что его всегда содержат в чистоте и порядке.

Окинув беглым взглядом комнату, Зверобой приподнял деревянную щеколду и вошел в узенький коридорчик, разделявший внутреннюю часть дома на две равные половины. Пограничные обычаи не отличаются особой деликатностью, а так как любопытство молодого человека было сильно возбуждено, то он отворил дверь и проскользнул в спальню.

С первого взгляда было видно, что здесь живут женщины. На простой койке, возвышавшейся всего на фут над полом, была постлана перина, туго набитая перьями дикого гуся. Справа, на деревянных колышках, висели платья; обшитые лентами и другими украшениями, они казались гораздо более изысканными, чем можно было ожидать в подобном месте. На полу стояли хорошенькие башмачки с красивыми серебряными пряжками, какие носили тогда женщины с достатком. Шесть полуоткрытых вееров, ласкавших глаз своими причудливыми, ярко раскрашенными рисунками, красовались на стене. Подушка, лежавшая на правой стороне кровати, была покрыта более тонкой накидкой, к тому же отделанной оборкой, чем подушка, лежавшая рядом. Над изголовьем справа был приколот чепчик, кокетливо убранный лентами, и висела пара длинных перчаток, какие в те времена редко носили женщины из трудовых слоев населения. Перчатки эти были пришпилены с явной целью выставить их напоказ хотя бы здесь, за невозможностью показать на руках той, кому они принадлежали. Все это Зверобой рассмотрел с таким вниманием, которое не уступило обычной наблюдательности его друзей-делаваров. Не преминул он так же отметить разницу между двумя сторонами постели, прислоненной изголовьем к стене. На левой стороне все было скромно, непритязательно и привлекало внимание разве что своей необычной опрятностью. Несколько платьев, также висевших на деревянных колышках, были сшиты из более грубой ткани, отличались более грубым покроем, и ничто в них, видимо, не было рассчитано напоказ. Лент там не было и в помине, чепчика или косынки – тоже.

Уже несколько лет миновало с тех пор, как Зверобой в последний раз входил в комнату, где жили женщины его расы. Это зрелище воскресило в его уме целый рой детских воспоминаний, и он почувствовал сердечное умиление, от которого давно отвык. Он вспомнил свою мать; ее простые наряды тоже висели на деревянных колышках и были очень похожи на платья, очевидно, принадлежавшие Хетти Хаттер.

Вспомнил он и о своей сестре, она тоже любила наряжаться, хотя и не так, как Джудит Хаттер. Эти мелкие черты сходства тронули его. С довольно грустным выражением лица он покинул комнату и, о чем-то раздумывая, медленно побрел в «приемную».

– Старик Том занялся новым ремеслом и теперь проделывает опыты с капканами, – сказал Непоседа, хладнокровно рассматривая охотничьи принадлежности пограничного жителя. – Если ты готов остаться в здешних местах, мы можем очень весело и приятно провести лето. Пока я со стариком буду выслеживать бобров, ты можешь ловить рыбу и стрелять дичь для улады души и тела. Даже самому захудалому охотнику мы даем половину доли; такой же молодец, как ты, имеет право на целую долю.

– Благодарю тебя, Непоседа, благодарю от всего сердца, но я и сам хочу при случае половить бобров. Правда, делавары прозвали меня Зверобоем, но не потому, что мне везет на охоте, а потому, что, убив множество оленей и ланей, я еще ни разу не лишил жизни своего ближнего. Они говорят, что в их преданиях не упоминается о человеке, который пролил бы так много звериной крови, не пролив ни капли людской.

– Надеюсь, они не считают тебя трусом, парень. Робкий мужчина – это все равно что бесхвостый бобр.

– Не думаю, Непоседа, чтобы они считали меня особенным трусом, хотя, быть может, я не слышу у них и особенным храбрецом. Но я не задирист. Когда живешь среди охотников и краснокожих, это лучший способ не испачкать руки в крови. Таким образом, Гарри Марч, совесть остается чиста.

– Ну, а по мне, что зверь, что краснокожий, что француз – все едино. И все же я самый миролюбивый человек во всей Колонии. Я презираю драчунов, как дворовых шавок. Но, когда приходит время спустить курок, не надо быть слишком разборчивым.

– А я считаю, что это можно сделать лишь в самом крайнем случае, Непоседа... Но какое здесь чудесное место! Глаза никогда не устанут любоваться им.

– Это твое первое знакомство с озером. В свое время такое же впечатление оно производило на всех нас. Однако все озера более или менее одинаковы: везде много воды, и земли, и мысов, и заливов.

Это суждение совсем не соответствовало чувствам, наполнявшим душу молодого охотника, и он ничего не ответил, продолжая глядеть в молчаливом восхищении на темные холмы и зеркальную воду.

– Скажи-ка, а что, губернаторские или королевские чиновники дали уже какое-нибудь название этому озеру? – спросил он вдруг, как бы пораженный какой-то новой мыслью. – Если они еще не начали ставить здесь свои шесты, глядеть на компас и чертить карты, то они, вероятно, и не придумали имени для этого места.

– До этого они еще не додумались. Когда я в последний раз ходил продавать пушнину, королевский землемер долго расспрашивал меня об этих краях. Он слышал, что тут есть озеро, и кое-что о нем знает – например, что здесь имеются вода и холмы. А в остальном он разбирается не лучше, чем ты в языке мохоков²⁷. Я приоткрыл капкан не шире, чем следовало, намекнув ему, что здесь плоха надежда на очистку леса и обзаведение фермами. Короче говоря, я наговорил ему, что в здешней стране имеется ручеек грязной воды и к нему ведет тропинка, такая топкая, что, проходя по ней, можно глядеться в лужи, как в зеркало. Он сказал, что они еще не нанесли этого места на свои карты. Я же думаю, что тут вышла какая-то ошибка, так как он показал мне пергамент, на котором изображено озеро, – правда, там, где никакого озера нет, милях этак в пятидесяти от того места, где ему следует быть. Не думаю, чтобы после моего рассказа он смог внести какие-нибудь поправки.

Тут Непоседа расхохотался от всего сердца: проделки такого рода были совершенно во вкусе людей, страшившихся близости цивилизации, которая ограничивала их собственное незаконное господство. Грубейшие ошибки, которыми изобиловали карты того времени, все без исключения изготовлявшиеся в Европе, служили постоянной мишенью для насмешек со стороны людей, которые хотя и не были настолько образованны, чтобы начертить новые карты, но все же имели достаточно сведений, почерпнутых на месте, чтобы обнаружить чужие промахи. Всякий, кто взял бы на себя труд сравнить эти красноречивые свидетельства топографического искусства прошлого века с более точными картами нашего времени, сразу же убедился бы, что жители лесов имели достаточно оснований относиться критически к этой отрасли знаний колониального правительства. Без всяких колебаний оно помещало реку или озеро на один-два градуса в стороне, даже если они находились на расстоянии дневного перехода от населенной части страны.

– Я надеюсь, что у этого озера еще нет имени, – продолжал Зверобой, по крайней мере, данного бледнолицыми, потому что такие крестины всегда предвещают опустошение и разорение. Однако краснокожие должны ведь как-нибудь называть это озеро, а также охотники и трапперы. Они любят давать местностям разумные и меткие названия.

– Что касается индейских племен, то у каждого свой язык, и они все называют по-своему. А мы прозвали это озеро Глимммерглас – Мерцающее Зеркало, потому что на его поверхности чудесно отражаются прибрежные сосны и кажется, будто холмы висят в нем вершинами вниз.

²⁷ М о х о к и – индейское племя, обитавшее по берегам Гудзона и его притока – реки Мохок.

– Здесь должен быть исток. Я знаю, все озера имеют истоки, и утес, у которого Чингачгук назначил мне свидание, стоит вблизи ручья. Скажи, а этому ручью в Колонии дали какое-нибудь название?

– В этом отношении у них преимущество перед нами, так как они держат в своих руках его более широкий конец. Они и дали ему имя, которое поднялось к истоку; имена всегда поднимаются вверх по течению. Ты, Зверобой, конечно, видел реку Саскуиханну в стране делаваров?

– Видел и сотни раз охотился на ее берегах.

– Это та же самая река, и я предполагаю, что она так же и называется. Я рад, что они сохранили название, данное краснокожими: было бы слишком жестоко отнять у них разом и землю и название.

Зверобой ничего не ответил. Он стоял, опершись на карабин и любуясь восхитительным пейзажем. Читатель не должен, однако, предполагать, что только внешняя живописность места так сильно приковала его внимание. Правда, место было прелестно, и теперь оно открылось перед взорами охотника во всей своей красоте: поверхность озера, гладкая, как зеркало, и прозрачная, как чистейший воздух, отражала вдоль всего восточного берега горы, покрытые темными соснами; деревья почти горизонтально свисали над водой, образуя там и сям зеленые листовые арки, сквозь которые сверкала вода в заливах. Глубокий покой, пустынность, горы и леса, не тронутые рукой человека, – одним словом, царство природы – вот что прежде всего должно было пленить человека с такими привычками и с таким складом ума, как у Зверобоя. Вместе с тем он, может быть, и бессознательно, переживал то же, что переживал бы на его месте поэт. Если юноша находил наслаждение в изучении многообразных форм и тайн леса, впервые представших перед ним в таком обнаженном виде – ибо каждому из нас приятно бывает поглядеть с более широкой точки зрения на предмет, издавна занимавший его мысли, – то вместе с тем он чувствовал внутреннюю прелесть этого ландшафта, испытывая то душевное умирание, которое обычно внушает природа, глубоко проникнутая священным спокойствием.

Глава III

*...А не пойти ль теперь
За дичью нам? Хоть тяжело мне, право,
Что этих глупых, пестрых бедняков,
Туземных горожан пустыни этой,
В их собственных владеньях здешних мы
Колючими стрелами настигаем
И раним в кровь их круглые бока.*

Шекспир. «Как вам это понравится»²⁸

Гарри Непоседа больше думал о чарах Джудит Хаттер, чем о красотах Мерцающего Зеркала и окружающего его ландшафта. Досыта наглядевшись на рыболовные и охотничьи снасти Плавучего Тома, он пригласил товарища сесть в пирогу и отправиться на поиски интересовавшего его семейства. Однако, прежде чем отплыть, он внимательно осмотрел все северное побережье озера в морскую подозрительную трубу, принадлежавшую Хаттеру. Особенно тщательно обследовал Непоседа все заливы и мысы.

– Так я и думал, – сказал он, откладывая в сторону трубу, – старик отплыл по течению к югу, пользуясь хорошей погодой, и оставил свой замок на произвол судьбы. Что ж, теперь, когда известно, что Хаттера нет в верховьях, мы спустимся на веслах вниз по течению и без труда разыщем его тайное убежище.

– Неужели Хаттер считает нужным прятаться, находясь на этом озере? – спросил Зверобой, усаживаясь в пирогу вслед за товарищем. – По-моему, здесь так безлюдно, что можно заглянуть себе в душу, не опасаясь, что кто-нибудь потревожит тебя в твоих размышлениях.

– Ты забываешь о своих друзьях-мингах и о всех французских дикарях. Есть ли на земле хоть одно местечко, Зверобой, куда бы ни пробрались эти непоседливые плуты! Знаешь ли ты хоть одно озеро или хотя бы звериный водопой, которых бы ни разыскивали эти подлецы! А уж если они разыщут его, то рано или поздно подкрасят воду кровью.

– Конечно, я ничего хорошего не слыхал о них, друг Непоседа, хотя до сих пор мне еще не приходилось встречаться с ними или с какими-нибудь другими смертными на военной тропе. Смеем сказать, что эти грабители вряд ли пройдут мимо такого чудесного местечка. Сам-то я никогда не ссорился ни с одним из ирокезских племен, но делавары столько рассказывали мне о мингах, что я считаю их отъявленными злодеями.

– Ты можешь со спокойной совестью повторить то же самое о любом дикаре.

Тут Зверобой запротестовал, и, пока они плыли на веслах вниз по озеру, между ними завязался горячий спор о сравнительных достоинствах бледнолицых и краснокожих. Непоседа разделял все предрассудки и суеверия белых охотников, которые обычно видят в индейцах своих прирожденных соперников и нередко даже прирожденных врагов. Само собой разумеется, он шумел, кричал, обо всем судил с предвзятостью и не мог привести никаких серьезных доводов. Зверобой вел себя в этом споре совсем иначе. Сдержанностью речи, правильностью приговоров и ясностью суждений он показал свое желание прислушиваться к доводам разума, врожденную жажду справедливости, прямодушие и то, что он отнюдь не склонен прибегать к словесным уловкам, чтобы отстоять свое мнение или защитить господствующий предрассудок. Все же и он не был свободен от предрассудков. Эти тираны человеческого духа, которые тысячами путей набрасываются на свою жертву, оказали некоторое влияние на молодого чело-

²⁸ Перевод П. Вейнберга.

века. Тем не менее он представлял собой чудесный образец того, чем могут сделать юношу естественная доброта и отсутствие дурных примеров и соблазнов.

– Признайся, Зверобой, что каждый минг больше чем наполовину дьявол, – с азартом кричал Непоседа, – хотя тебе во что бы то ни стало хочется доказать, что племя делаваров сплошь состоит чуть ли не из одних ангелов! А я считаю, что этого нельзя сказать даже о беглых людях. И белые не без греха, а уж индейцы и подавно. Стало быть, твоим доводам – грош цена. А по-нашему вот как: есть три цвета на земле – белый, черный, красный. Самый лучший цвет белый, и поэтому белый человек выше всех; затем идет черный цвет, и черному человеку можно позволить жить по соседству с белыми людьми, это вполне терпимо и даже бывает полезно; но красный цвет хуже всех, а это доказывает, что индеец – человек только наполовину.

– Бог создал всех одинаковыми, Непоседа.

– Одинаковыми! Значит, по-твоему, негр похож на белого, а я похож на индейца?

– Ты слишком горячишься и не слушаешь меня, Бог создал всех нас белыми, черными и красными, без сомнения имея в виду какую-то мудрую цель. Но чувства у всех людей схожи, хотя я и не отрицаю, что у каждой расы есть свои особенности. Белый человек цивилизован, а краснокожий приспособлен к тому, чтобы жить в пустыне. Так, например, белый считает преступлением снимать скальп с мертвеца, а для индейца – это подвиг. И опять же: белый не считает для себя возможным нападать из засады на женщин и детей во время войны, а краснокожий это спокойно делает. Допускаю, что это жестоко; но то, что для них законно, с нашей стороны было бы гнусностью.

– Все зависит от того, с каким врагом мы имеем дело. Оскальпировать дикаря или даже содрать с него всю кожу – для меня то же самое, что отрезать уши у волка, чтобы получить премию, или же снять шкуру с медведя. И, стало быть, ты ошибаешься, защищая краснокожих, потому что даже в Колонии начальство выдает награду за эту работу. Там платят одинаково и за волчьи уши, и за кожу с человеческими волосами.

– И это очень скверно, Непоседа. Даже индейцы говорят, что это позор для белых. Я не стану спорить: действительно, некоторые индейские племена, например минги, по самой природе своей испорчены и порочны. Но «таковы и некоторые белые, например, канадские французы. Во время законной войны, вроде той, которую мы начали недавно, долг повелевает нам воздерживаться от всякого сострадания к живому врагу. Но снимать скальпы – это совсем другое дело.

– Сделай милость, одумайся, Зверобой, и скажи: может ли Колония издать нечестивый закон? Разве нечестивый закон не более противоестественная вещь, чем скальпирование дикаря? Закон также не может быть нечестивым, как правда не может быть ложью.

– Звучит это как будто бы и разумно, а приводит к самым неразумным выводам, Непоседа. Не все законы издаются одной и той же властью. Есть законы, которые издаются в Колонии, и законы, установленные парламентом и королем. Когда колониальные законы и даже королевские законы идут против законов божеских, они нечестивы и им не следует повиноваться. Я считаю, что белый человек должен уважать белые законы, пока они не сталкиваются с другими, более высокими законами, а красный человек обязан исполнять свои индейские обычаи с такой же оговоркой. Впрочем, не стоит спорить, каждый вправе думать, что он хочет, и говорить, что он думает. Поищем лучше твоего приятеля, Плавучего Тома, иначе мы не увидим, где он спрятался в этих береговых зарослях.

Зверобой недаром назвал так побережье озера. Действительно, повсюду кусты свешивались над водой, причем их ветви то и дело купались в прозрачной стихии. Крутые берега окаймляла узкая полоса отмели. Так как растительность неизменно стремится к свету, то эффект получился именно такой, о каком мог бы мечтать любитель живописных видов, если бы от него

зависела планировка этих пышных лесных зарослей. Многочисленные мысы и заливы делали очертания берега извилистыми и причудливыми.

Приблизившись к западной стороне озера с намерением, как объяснил товарищу Непоседа, сперва произвести разведку, а потом уже появиться в виду у неприятеля, оба искателя приключений напрягли все свое внимание, ибо нельзя было заранее предугадать, что их ждет за ближайшим поворотом. Подвигались они вперед очень быстро, так как исполинская сила Непоседы позволяла ему играть легкой пирогой, как перышком, а искусство его товарища почти уравнивало их столь различные природные данные.

Каждый раз, когда пирога огибала какой-нибудь мыс, Непоседа оглядывался в надежде увидеть ковчег, стоящий на якоре или пришвартованный к берегу. Но надежды его не сбывались. Они проплыли уже милю к южному берегу озера, оставив позади себя «замок», скрывавшийся теперь за шестью мысами. Вдруг Непоседа перестал грести, как бы не зная, какого направления следует держаться.

– Весьма возможно, что старик забрался на реку, – сказал он, внимательно осмотрев весь восточный берег, находившийся от них на расстоянии приблизительно одной мили и доступный для обозрения по крайней мере на половину всего своего протяжения. – Последнее время он много охотился и теперь мог воспользоваться течением, чтобы спуститься вниз по реке на милю или около того, хотя ему трудновато будет выбраться обратно.

– Но где же его искать? – спросил Зверобой. – Ни на берегу, ни между деревьями не видно прохода, через который могла бы вытекать из озера такая река, как Саскуиханна.

– Ах, Зверобой, реки подобны людям: сначала они бывают совсем маленькие, а под конец у них вырастают широкие плечи и большой рот. Ты не видишь истока, потому что он проходит между высокими берегами, а сосны и кустарники свисают над ними, как кровля над домом. Если старого Тома нет в Крысиной заводи, то, стало быть, он забрался на реку. Поищем-ка его сперва в заводи.

Когда они снова взялись за весла, Непоседа объяснил товарищу, что по соседству с ними находится мелкая заводь, образованная длинной низкой косой и получившая название «Крысиной», потому что там любимое место пребывания водяных крыс. Заводь эта – надежное убежище для ковчега; Хаттер любит останавливаться здесь при удобном случае.

– В этих краях, – продолжал Непоседа, – человек иногда не знает, кто может пожаловать к нему в гости, поэтому весьма желательно получше рассмотреть их, прежде чем они успеют подойти ближе. Эта предосторожность особенно уместна теперь, когда идет война и канадец или минг могут забраться в хижину, не ожидая приглашения. Но Хаттер – превосходный часовой и чует опасность почти так же, как собака – дичь.

– Когда я увидел, как открыто стоит его замок, я подумал, что старик совсем не боится врагов, которые могут забрести на озеро. Впрочем, вряд ли это когда-нибудь случится: ведь озеро расположено далеко от дороги, ведущей к форту и поселению.

– Ах, Зверобой, я убедился, что человек находит врагов гораздо скорее, чем друзей. Просто страшно становится, когда вспомнишь, сколько бывает поводов нажить себе врага и как редко удается приобрести друга. Одни хватаются за томагавк²⁹ потому, что ты не разделяешь их мыслей; другие – потому, что ты предвосхищаешь их мысли. А я когда-то знал бродягу, который поссорился со своим приятелем потому только, что тот не считал его красивым. Ты, Зверобой, тоже не бог весть какой красавец, и, однако, с твоей стороны было бы очень неразумно сделаться моим врагом только потому, что я тебе об этом говорю.

– Я не желаю быть ни лучше, ни хуже того, каким я создан. Особой красоты во мне, быть может, и нет. По крайней мере, той красоты, о которой мечтают легкомысленные и тщеславные люди. Но надеюсь, что и я не совсем лишен привлекательности благодаря моему доброму

²⁹ Томагавк – боевой топор, оружие индейцев.

поведению. Мало найдется мужчин более видных, чем ты, Непоседа, и я понимаю, что вряд ли кто-нибудь обратит на меня внимание там, где можно поглазеть на тебя, но я не знаю, следует ли считать, что охотник не так ловко обращается с ружьем или добывает меньше дичи только потому, что он не останавливается у каждого родника на своем пути, чтобы полюбоваться на собственную физиономию в воде.

Непоседа громко расхохотался. Слишком беззаботный, чтобы предаваться размышлениям о своем явном физическом превосходстве над Зверобоем, Непоседа все же отлично сознавал это, и когда такая мысль невзначай приходила ему в голову, она доставляла ему удовольствие.

– Нет, нет, Зверобой, ты не красавец и сам можешь в этом убедиться, если поглядишь за борт пироги! – воскликнул он. – Джуди скажет тебе прямо в лицо, только задень ее. Такого бойкого языка не отыскать ни у одной девушки в наших поселениях и даже за их пределами. Поэтому мой тебе совет: никогда не дразни Джудит! А Хетти можешь говорить что угодно, и она все выслушает кротко, как овечка. Нет уж, пусть лучше Джуди не высказывает тебе своего мнения о твоей наружности.

– Вряд ли, Непоседа, она может что-нибудь прибавить к твоим словам.

– Надеюсь, Зверобой, ты не обиделся на мое замечание: ведь я ничего дурного не имел в виду. Ты и сам знаешь, что не блещешь красотой. Почему бы приятелям не поболтать друг с другом о таких пустяках? Будь ты красавцем, я бы первый сказал тебе об этом к полному твоему удовольствию. А если бы Джуди сказала мне, что я безобразен, как смертный грех, я бы счел это за кокетство и не подумал бы поверить ей.

– Баловням природы легко шутить над такими вещами, Непоседа, хотя, быть может, для других это тяжело. Не отрицаю, мне иногда хочется быть по красивей. Да, хочется, но я всегда успеваю подавить в себе это желание, подумав, как много есть людей с красивой внешностью, которым, однако, больше нечем похвастать. Не скрою, Непоседа, мне часто хотелось иметь более приятную внешность и походить на таких, как ты. Но я отгонял от себя эту мысль, вспоминая, насколько я счастливее многих. Ведь я мог бы уродиться хромым – и неспособным охотиться даже на белок; или слепым – и был бы в тягость себе самому и моим друзьям, или же глухим, то есть непригодным для войны и разведок, что я считаю обязанностью мужчины в тревожные времена. Да, да, признаюсь, не совсем приятно видеть, что другие красивее тебя, что их приветливее встречают и больше ценят. Но все это можно стерпеть, если человек смотрит своей беде прямо в глаза и знает, на что он способен и в чем его обязанности.

Непоседа, в общем, был добродушным малым, и смиренные слова товарища привели его совсем в другое настроение. Он пожалел о своих неосторожных намеках на внешность Зверобоя и поспешил объявить об этом с той неуклюжестью, которая отличает все повадки пограничных жителей.

– Я ничего дурного не хотел сказать, Зверобой, – молвил он просительным тоном, – и надеюсь, что ты забудешь мои слова. Если ты и не совсем красив, то все же у тебя такой вид, который говорит яснее ясного, что душа у тебя хорошая. Не скажу, что Джуди будет от тебя в восторге, так как это может вызвать в тебе надежды, которые кончатся разочарованием. Но ведь еще есть Хетти, она с удовольствием будет смотреть на тебя, как на всякого другого мужчину. Ты вдобавок такой степенный, положительный, что вряд ли станешь заботиться о мнени Джудит. Хотя она очень хорошенькая девушка, но так непостоянна, что мужчине нечего радоваться, если она случайно ему улыбнется. Я иногда думаю, что плутовка больше всего на свете любит себя.

– Если это так, Непоседа, то боюсь, что она ничем не отличается от королев, восседающих на тронах, и знатных дам из больших городов, – ответил Зверобой, с улыбкой оборачиваясь к товарищу, причем всякие следы неудовольствия исчезли с его честной, открытой физионо-

мии. – Я даже не знаю ни одной делаварки, о которой ты не мог бы сказать то же самое... Но вот конец той длинной косы, о которой ты рассказывал, и Крысиная заводь должна быть недалеко.

Эта коса не уходила в глубь озера, а тянулась параллельно берегу, образуя глубокую уединенную заводь. Непоседа был уверен, что найдет здесь ковчег, который, стоя на якоре за деревьями, покрывавшими узкую косу, мог бы остаться незаметным для враждебного глаза в течение целого лета. В самом деле, место это было укрыто очень надежно. Судно, причаленное позади косы в глубине заводи, можно было бы увидеть только с одной стороны, а именно с берега, густо поросшего лесом, куда чужаки вряд ли могли забраться.

– Мы скоро увидим ковчег, – сказал Непоседа, в то время как пирога скользила вокруг дальней оконечной косы, где вода была так глубока, что казалась совсем черной. – Старый Том любит забираться в тростники, и через пять минут мы очутимся в его гнезде, хотя сам он, быть может, бродит среди своих капканов.

Марч оказался плохим пророком. Пирога обогнула косу, и взорам обоих путников открылась вся заводь. Однако они ничего не заметили. Безмятежная водная гладь изгибалась изящной волнистой линией; над ней тихо склонялись тростники и, как обычно, свисали деревья. Над всем господствовало умиротворяющее и величественное спокойствие пустыни. Любый поэт или художник пришел бы в восторг от этого пейзажа, только не Гарри Непоседа, который сгорал от нетерпения поскорее встретить свою легкомысленную красавицу.

Пирога двигалась по зеркальной воде бесшумно: пограничные жители привыкли соблюдать осторожность в каждом своем движении. Суденышко, казалось, плыло в воздухе. В этот миг на узкой полосе земли, которая отделяла бухту от озера, хрустнула сухая ветка.

Оба искателя приключений встрепенулись. Каждый потянулся к своему ружью, которое всегда лежало под рукой.

– Для какой-нибудь зверушки это слишком тяжелый шаг, – прошептал Непоседа, – больше похоже, что идет человек.

– Нет, нет! – возразил Зверобой. – Это слишком тяжело для животного, но слишком легко для человека. Опустив весло в воду и подгони пирогу к берегу. Я сойду на землю и отрежу этой твари путь отступления обратно по косе, будь то минг или выхухоль.

Непоседа повиновался, и Зверобой вскоре высадился на берег. Бесшумно ступая в своих мокасилах, он пробирался по зарослям. Минуту спустя он уже был на самой середине узкой косы и не спеша приближался к ее оконечности; в такой чаще приходилось соблюдать величайшую осторожность. Когда Зверобой забрался в самую глубь зарослей, сухие ветви затрещали снова, и этот звук стал повторяться через короткие промежутки, как будто какое-то живое существо медленно шло вдоль по косе. Услышав треск ветвей, Непоседа отвел пирогу на середину бухты и схватил карабин, ожидая, что будет дальше. Последовала минута тревожного ожидания, а затем из чащи вышел благородный олень, величественной поступью приблизился к песчаному мысу и стал пить воду.

Непоседа колебался не больше секунды. Затем быстро поднял карабин к плечу, прицелился и выстрелил. Эффект, произведенный внезапным нарушением торжественной тишины в таком месте, придавал всей этой сцене необычайную выразительность. Выстрел прозвучал, как всегда, коротко и отрывисто. Затем на несколько мгновений наступила тишина, пока звук, летевший по воздуху над водой, не достиг утесов на противоположном берегу. Здесь колебания воздушных волн умножились и прокатились от одной впадины к другой на целые мили вдоль холмов, как бы пробуждая спящие в лесах громы.

Олень только мотнул головой при звуке выстрела и свисте пули – он до сих пор еще никогда не встречался с человеком. Но эхо холмов пробудило в нем недоверчивость. Поджав ноги к телу, он прыгнул вперед, тотчас же погрузился в воду и поплыл к дальнему концу озера. Непоседа вскрикнул и пустился в погоню; в течение двух или трех минут вода пенилась вокруг

преследователя и его жертвы. Непоседа уже поравнялся с окончательностью косы, когда Зверобой показался на песке и знаком предложил товарищу вернуться.

– Очень неосторожно с твоей стороны было спустить курок, не осмотрев берега и не убедившись, что там не прячется враг, – сказал Зверобой, когда его товарищ медленно и неохотно повиновался. – Этому я научился от делаваров, слушая их наставления и предания, хотя сам еще никогда не бывал на тропе войны. Да теперь и неподходящее время года, чтобы убивать оленей, и мы не нуждаемся в пище. Знаю, меня называют Зверобоем, и, быть может, я заслужил эту кличку, так как понимаю звериный нрав и целюсь метко. Но, пока мне не понадобится мясо или шкура, я зря не убью животное. Я могу убивать, это верно, но я не мясник.

– Как мог я промазать в этого оленя! – воскликнул Непоседа, срывая с себя шапку и запуская пальцы в свои красивые взъерошенные волосы, как будто желая успокоить свои мысли. – С тех пор как мне стукнуло пятнадцать лет, я ни разу не был так неповоротлив.

– Не горюй! Гибель животного не только не принесла бы никакой пользы, но могла бы и повредить нам – эхо пугает меня больше, чем твой промах. Непоседа. Оно звучит как голос природы, упрекая нас за бесцельный и необдуманный поступок.

– Ты много раз услышишь этот голос, если подольше поживешь в здешних местах, парень, – смеясь, возразил Непоседа. – Эхо повторяет почти все, что говорится и делается на Мерцающем Зеркале при такой тихой летней погоде. Упадет весло, и стук от его падения ты слышишь вновь и вновь, как будто холмы издеваются над твоей неловкостью. Твой смех или свист доносятся со стороны сосен, словно они весело беседуют, так что ты и впрямь можешь подумать, будто они захотели поболтать с тобой.

– Тем больше у нас причин быть осторожными и молчаливыми. Не думаю, что враги уже отыскали дорогу к этим холмам, – вряд ли они могут от этого что-нибудь выиграть. Но делавары всегда говорили мне, что если мужество-первая добродетель воина, то его вторая добродетель – осторожность. Твой крик в горах может открыть целому племени тайну нашего пребывания здесь.

– Зато он заставит старого Тома поставить горшок на огонь и даст ему знать, что гость близко. Иди сюда, парень, садись в пирогу, и постараемся найти ковчег, покуда еще светло.

Зверобой повиновался, и пирога поплыла в юго-западную сторону. До берега было не больше мили, а она плыла очень быстро, подгоняемая искусными и легкими ударами весел. Спутники уже проплыли половину пути, когда слабый шум заставил их оглянуться назад: на их глазах олень вынырнул из воды и пошел вброд к суше. Минуту спустя благородное животное отряхнуло воду со своих боков, поглядело вверх на древесные заросли и, выскочив на берег, исчезло в лесу.

– Это создание уходит с чувством благодарности в сердце, – сказал Зверобой, – природа подсказывает ему, что оно избежало большой опасности. Тебе тоже следовало бы разделить это чувство, Непоседа, признавшись, что глаз и рука изменили тебе; твой безрассудный выстрел не принес бы нам никакой пользы.

– Глаз и рука мне вовсе не изменили! – с досадой крикнул Марч. – Ты добился кое-какой славы среди делаваров своим проворством и умением метко стрелять в зверей. Но хотелось бы мне поглядеть, как ты будешь стоять за одной из этих сосен, а размалеванный минг – за другой, оба со взведенными курками, подстерегая удобный момент для выстрела. Только при таких обстоятельствах, Натаниэль, можно испытать глаз и руку, потому что ты испытываешь свои нервы. Убийство животного я никогда не считал подвигом. Но убийство дикаря – подвиг. Скоро настанет время, когда тебе придется испытать свою руку, потому что дело опять дошло до драки. Вот тогда мы и узнаем, чего стоит на поле сражения охотничья слава. Я не считаю, что глаз и рука изменили мне. Во всем виноват олень: он остался на месте, а ему следовало идти вперед, и поэтому моя пуля пролетела перед ним.

– Будь по-твоему, Непоседа. Я только утверждаю, что это наше счастье. Смею сказать, что я не могу выстрелить в ближнего с таким же легким сердцем, как в зверя.

– Кто говорит о ближних или хотя бы просто о людях! Ведь тебе придется иметь дело с индейцами. Конечно, у всякого человека могут быть свои суждения, когда речь идет о жизни и смерти другого существа, но такая щепетильность неуместна по отношению к индейцу; весь вопрос в том, он ли дерет с тебя шкуру или ты с него.

– Я считаю краснокожих такими же людьми, как мы с тобой, Непоседа. У них свои природные наклонности и своя религия, но в конце концов не в этом дело, и каждого надо судить по его поступкам, а не по цвету его кожи.

– Все это чепуха, которую никто не станет слушать в этих краях, где еще не успели поселиться моравские братья. Человека делает человеком кожа. Это бесспорно! А то как бы люди могли судить друг о друге? Все живое облечено в кожу для того, чтобы, поглядев внимательно, можно было бы сразу понять, с кем имеешь дело: со зверем или с человеком. По шкуре ты всегда отличишь медведя от кабана и серую белку от черной.

– Правда, Непоседа, – сказал товарищ, оглядываясь и улыбаясь, – и, однако, обе они – белки.

– Этого никто не отрицает. Но ты же не скажешь, что и краснокожий и белый – индейцы.

– Нет, но я скажу, что они люди. Люди отличаются друг от друга цветом кожи, у них разные нравы и обычаи, но, в общем, природа у всех одинакова. У каждого человека есть душа.

Непоседа принадлежал к числу тех «теоретиков», которые считают все человеческие расы гораздо ниже белой. Его понятия на этот счет были не слишком ясны и определения не слишком точны. Тем не менее он высказывал свои взгляды очень решительно и страстно. Совесть обвиняла его во множестве незаконных поступков по отношению к индейцам, и он изобрел чрезвычайно легкий способ успокаивать ее, мысленно лишив всю семью краснокожих человеческих прав. Больше всего его бесило, когда кто-нибудь подвергал сомнению правильность этого взгляда и приводил к тому же вполне разумные доводы. Поэтому он слушал замечания товарища, не думая даже обуздать свои чувства и способы их выражения.

– Ты просто мальчишка, Зверобой, мальчишка, сбитый с толку и одураченный хитростью делаваров и миссионеров! – воскликнул он, не стесняясь, как обычно, в выборе слов, что случалось с ним всегда, когда он был возбужден. – Ты можешь считать себя братом краснокожих, но я считаю их просто животными, в которых нет ничего человеческого, кроме хитрости. Хитрость у них есть, это я признаю. Но есть она и у лисы, и даже у медведя. Я старше тебя и дольше жил в лесах, и мне нечего объяснять, что такое индеец. Если хочешь, чтобы тебя считали дикарем, ты только скажи. Я сообщу об этом Джудит и старику, и тогда посмотрим, как они тебя примут.

Тут живое воображение Непоседы оказало ему некоторую услугу и охладило его гневный пыл. Вообразив, как его земноводный приятель встретит гостя, представленного ему таким образом, Непоседа весело рассмеялся.

Зверобой слишком хорошо знал, что всякие попытки убедить такого человека в чем-либо, что противоречит его предрассудкам, будут бесполезны, и потому не испытывал никакого желания взяться за подобную задачу. Когда пирога приблизилась к юго-восточному берегу озера, мысли Непоседы приняли новый оборот, о чем Зверобой нисколько не пожалел.

Теперь уже было недалеко до того места, где, по словам Марча, из озера вытекала река. Оба спутника смотрели по сторонам с любопытством, которое еще больше обострялось надеждой отыскать ковчег.

Читателю может показаться странным, что люди, находившиеся всего в двухстах ярдах от того места, где между берегами высотой в двадцать футов проходило довольно широкое русло, могли его не заметить. Не следует, однако, забывать, что здесь повсюду над водой свисали деревья и кустарники, окружая озеро бахромой, которая скрывала все его мелкие извилины.

– Уже два года я не зааживал в этот конец озера, – сказал Непоседа, поднимаясь в пироге во весь рост, чтобы удобнее было видеть. – Ага, вот и утес задирает свой подбородок над водой, река начинается где-то здесь по соседству.

Мужчины снова взяли за весла. Они находились уже в нескольких ярдах от утеса. Он был невелик, не более пяти или шести футов в высоту, причем только половина его поднималась над озером. Непрестанное действие воды в течение веков так сгладило его вершину, что утес своей необычайно правильной и ровной формой напоминал большой пчелиный улей. Пирога медленно проплыла мимо, и Непоседа сказал, что индейцы хорошо знают этот утес и обычно назначают поблизости от него место встреч, когда им приходится расходиться в разные стороны во время охоты или войны.

– А вот и река, Зверобой, – продолжал он, – хотя она так скрыта деревьями и кустами, что это место больше похоже на потаенную засаду, чем на исток из такого озера, как Мерцающее Зеркало.

Непоседа недурно определил характер места, которое действительно напоминало засаду. Высокие берега поднимались не менее как на сто футов каждый. Но с западной стороны выдавался вперед небольшой клочок низменности, до половины суживая русло реки. Над водой свисали кусты; сосны, высотой с церковную колокольню, тянулись к свет, словно колонны, своими перепутанным ветвями, и глазу даже на близком расстоянии трудно было разыскать ложбину, по которой протекала река. С поросшего лесом крутого берега тоже нельзя было обнаружить никаких признаков истока.

Вся картина, открывавшаяся глазу, казалась одним сплошным лиственным ковром.

Пирога, подгоняемая течением, приблизилась к берегу и поплыла под древесным сводом. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь редкие просветы, слабо озаряя царившую внизу темноту.

– Самая настоящая засада, – прошептал Непоседа. – Поэтому старый Том и спрятался где-то здесь со своим ковчегом. Мы немного спустимся вниз по течению и, наверное, отыщем его.

– Но здесь негде укрыться такому большому судну, – возразил Зверобой. – Мне кажется, что здесь с трудом пройдет и пирога.

Непоседа рассмеялся в ответ на эти слова, и, как вскоре выяснилось, с полным основанием. Едва только спутники миновали бахром из кустарников, окаймлявшую берега, как очутились в узком, но глубоком протоке. Прозрачные воды стремительно неслись под лиственным навесом, который поддерживали своды, образованные стволами древних деревьев. Поросшие кустами берега оставили свободный проход футов двадцати в ширину, а впереди открывалась далекая перспектива.

Наши искатели приключений пользовались теперь веслами лишь для того, чтобы удерживать легкое суденышко на середине реки. Пристально разглядывали они каждую извилину берега, но поворот следовал за поворотом, и пирога плыла все дальше и дальше вниз по течению. Вдруг Непоседа, не говоря ни слова, ухватился за куст, и лодка замерла на месте. Очевидно, повод для того был достаточно серьезный.

Зверобой невольно положил руку на приклад карабина. Он не испугался – просто оказалась охотничья привычка.

– А вот и старый приятель, – прошептал Непоседа, указывая куда-то пальцем и смеясь от всего сердца, хотя совершенно беззвучно. – Так я и думал: он бродит по колени в тине, осматривая свои капканы. Но убей меня бог, я нигде не вижу ковчег, хотя готов поставить в заклад каждую шкуру, которую добуду этим летом, что Джудит не решится ступить своими хорошенькими маленькими ножками по такой черной грязи! Вероятно, девчонка расчесывает волосы на берегу какого-нибудь родника, где может любоваться своей красотой и набираться презрения к нашему брату, мужчине.

– Ты несправедливо судишь о молодых женщинах. Да, Непоседа, ты преувеличиваешь их недостатки и их совершенства. Смею сказать, что Джудит, вероятно, не так уж восхищается собой и не так уж презирает нас, как ты, видимо, думаешь. Она, очевидно, работает для своего отца в доме, в то время как он работает для нее у капканов.

– Как приятно услышать правду из уст мужчины, хотя бы раз в девичьей жизни! – произнес низкий и мягкий женский голос так близко от пироги, что оба путника невольно вздрогнули. – А что до вас, мастер Непоседа, то каждое доброе слово вам дается так трудно, что я давно уже не надеюсь услышать его из ваших уст. Последнее такое слово однажды застряло у вас в горле так, что вы едва им не подавились. Но я рада, что вижу вас в лучшем обществе, чем прежде, и что люди, которые умеют уважать женщин и обращаться с ними, не стыдятся путешествовать вместе с вами.

После этой тирады в просвет между листьями выглянуло необычайно хорошенькое юное женское личико, да так близко, что Зверобой мог бы дотянуться до него веслом. Девушка мило-стиво улыбнулась молодому человеку, а сердитый взгляд, впрочем, притворный и насмешливый, который она бросила на Непоседу, придал ее красоте еще большую прелесть, показывая все разнообразие игры ее переменчивой и капризной физиономии.

Только взглядевшись пристальнее, путники поняли, почему девушка смогла появиться так внезапно. Незаметно для себя они очутились борт о борт с ковчегом, который был скрыт кустами, нарочно срезанными для этой цели и так искусно расположенными, что Джудит Хаттер нужно было только раздвинуть листья, заслонявшие оконце, чтобы выглянуть наружу и заговорить.

Глава IV

*Не устрашится робкий олень,
Ведь добрые мы друзья.
И на фиалку не брошу тень,
И звонко лепечет родник весь день,
Когда ими люблюсь я.*

*Брайант*³⁰

Ковчег, как все называли плавучий дом Хаттеров, был устроен очень просто. Нижней частью ему служила широкая плоскодонная баржа. Посредине, занимая всю ширину и около двух третей длины судна, стояла невысокая надстройка, напоминавшая внешним видом «замок», но сколоченная из более тонких досок, которые, однако, могли служить защитой от пуль. Борта баржи были немного выше обычных, а каюта – такой высоты, чтобы в ней можно было только-только стоять выпрямившись. Все это странное сооружение выглядело не слишком неуклюже. Короче говоря, ковчег немногим отличался от современных плоскодонных барок, плавающих по каналам, хотя был гораздо шире и построен грубее, а покрытые корой бревенчатые стены и кровля свидетельствовали о полудиком образе жизни его обитателей. И, однако, немало искусства понадобилось, чтобы соорудить это судно, довольно легкое и достаточно поворотливое при его вместимости. Каюта была перегороджена пополам. Одна половина служила столовой и спальней для отца, в другой жили дочери. Незатейливая кухонная утварь размещалась на корме прямо под открытым небом; не надо забывать, что ковчег был только летним жилищем.

Вполне понятно, почему Непоседа назвал это место засадой. Почти везде с крутых берегов свисали над рекой кусты и низкорослые деревья, купавшие свои ветви в глубоких омурах. В одном таком месте Хаттер и поставил на якорь свой ковчег. Это ему удалось без особого труда. Когда судно очутилось под прикрытием деревьев и кустов, достаточно было привязать несколько камней к концам ветвей, чтобы заставить их погрузиться глубоко в реку. Несколько срезанных и умело расположенных кустов довершили остальное. Как уже видел читатель, маскировка была сделана настолько ловко, что ввела в обман даже двух наблюдателей, привыкших к жизни в девственных лесах Америки и как раз в это время искавших спрятанное судно.

То, что ковчег был найден, произвело неодинаковое впечатление на наших путников. Лишь только пирога причалила к просвету между ветвями, служившему входом, как Непоседа перескочил через борт и минуту спустя весело, но несколько язвительно беседовал с Джудит, видимо, позабыв обо всем на свете. Совсем иначе вел себя Зверобой. Он медленно и осторожно вошел в ковчег и внимательно, с любопытством рассматривал его устройство. Правда, в его взгляде, брошенном на Джудит, мелькнуло восхищение ее ослепительной и своеобразной красотой, но даже красота девушки ни на секунду не ослабила его интереса к жилищу Хаттеров. Шаг за шагом обследовал он это оригинальное сооружение, ощупывая скрепы и соединения, знакомясь со средствами обороны и вообще не пропустив ни одной мелочи, которая имеет значение для человека, постоянно имеющего дело с подобными предметами. Не оставил он без внимания и маскировку. Он изучил ее во всех подробностях и время от времени что-то бормотал себе под нос. Так как пограничные обычаи очень просты и допускают большую свободу,

³⁰ Перевод Н. Сидемон-Эристави.

он осмотрел каюты и, открыв дверь, прошел на другой конец баржи. Здесь он застал вторую сестру, сидевшую под лиственным навесом и занятую каким-то незамысловатым рукоделием.

Зверобой опустил на пол свой карабин и, опершись обеими руками на дуло, стал смотреть на девушку с таким интересом, какого не могла пробудить в нем даже необычайная красота ее сестры. Он заключил из слов Непоседы, что у Хетти разума меньше, чем обычно приходится на долю человека, а воспитание среди индейцев научило его особенно мягко обращаться с теми, кто обижен судьбой. К тому же внешность Хетти Хаттер не могла бы оттолкнуть того, в ком ее положение вызывало участие. Ее отнюдь нельзя было назвать слабоумной в полном смысле этого слова. Она лишь потеряла присущие большинству нормальных людей хитрость и способность к притворству, но зато сохранила простодушие и любовь к правде. Те немногие наблюдатели, которые имели случай видеть эту девушку, часто замечали, что ее понятия о справедливости были почти инстинктивны, а отвращение ко всему дурному составляло отличительную черту ее характера, как бы окружая ее атмосферой чистейшей нравственности. Особенность эта нередко встречается у людей, которые слышат умалишенными.

Наружность у Хетти была привлекательная; она казалась смягченной и более скромной копией своей сестры. Внешнего блеска, свойственного Джудит, у нее не было, однако спокойное, тихое выражение ее кроткого лица подкупало каждого, кто ее видел; и лишь очень немногие, поглядев на эту девушку, не проникались к ней глубоким сочувствием. Лицо Хетти было лишено живых красок; невинное воображение не порождало у нее в мозгу мыслей, от которых могли бы зарумяниться ее щеки; добродетель была настолько свойственна ей, что, казалось, превратила кроткую девушку в существо, стоящее выше обыкновенных людских слабостей. Природа и образ жизни сделали Хетти наивным, бесхитростным созданием, а провидение защитило ее от порока.

– Вы Хетти Хаттер? – сказал Зверобой, как бы безотчетно обращаясь с этим вопросом к самому себе и таким ласковым тоном, что, несомненно, должен был завоевать доверие девушки. – Гарри Непоседа рассказывал мне о вас, и я знаю, что вы совсем дитя.

– Да, я Хетти Хаттер, – ответила девушка низким приятным голосом. – Я – Хетти, сестра Джудит Хаттер и младшая дочь Томаса Хаттера.

– В таком случае, я знаю вашу историю. Гарри Непоседа много говорил мне о вас. Вы большей частью живете на озере, Хетти?

– Да. Мать моя умерла, отец ставит капканы, а мы с Джудит сидим дома. А как вас зовут?

– Легче задать этот вопрос, чем ответить на него. Я еще молод, но у меня уже было больше имен, чем у некоторых величайших вождей в Америке.

– Но ведь вы не отказываетесь от своего имени, прежде чем не заслужите честно другое?

– Надеюсь, что нет, девушка. Мои прозвища приходят ко мне сами собой, и я думаю, что то, которым окрестили меня нынче, удержится недолго, – ведь делавары редко дают человеку постоянную кличку, прежде чем представится случай показать себя в совете или на тропе войны. Мой черед еще не настал. Во-первых, я не родился краснокожим и не имею права участвовать в их советах и в то же время слишком ничтожен, чтобы моего мнения спрашивали знатные люди моего цвета кожи. Во-вторых, война еще только началась – первая за всю мою жизнь, и еще ни один враг не проникал настолько далеко в Колонию, чтобы его могла достать рука даже подлиннее моей.

– Назовите мне ваши имена, – подхватила Хетти, простодушно глядя на него, – и, быть может, я скажу вам, что вы за человек.

– Не отрицаю, это возможно, хотя и не всегда удается. Люди часто заблуждаются, когда судят о своих ближних, и дают им имена, которых те ничуть не заслуживают. Вы можете убедиться в этом, если вспомните имена мингов, которые на их языке означают то же самое, что делаварские имена, – по крайней мере, так мне говорили, потому что сам я мало знаю об

этом племени, – но, судя по слухам, никто не может назвать мингов честными, справедливыми людьми. Поэтому я не придаю большого значения именам.

– Скажите мне все ваши имена, – серьезно повторила девушка, ибо ум ее был слишком прост, чтобы отделять вещи от их названий, и именам она придавала большое значение. – Я хочу знать, что следует о вас думать.

– Ладно, не спорю. Вы узнаете все мои имена. Прежде всего я христианин и прирожденный белый, подобно вам, и родители дали мне имя, которое переходит от отца к сыну, как часть наследства. Отца моего звали Бампо, и меня, разумеется, называли так, а при крещении дали имя Натаниэль, или Натти, как чаще всего и называют меня...

– Да, да, Натти и Хетти! – быстро прервала его девушка и, снова улыбнувшись, подняла глаза над рукоделием. – Вы Натти, а я Хетти, хотя вы Бампо, а я Хаттер. Бампо звучит не так красиво, как Хаттер, не правда ли?

– Ну, это дело вкуса. Я согласен, что Бампо звучит не очень громко, и все же многие люди прожили свою жизнь с этим именем. Я, однако, носил его не очень долго: делавары скоро заметили, или, быть может, им только показалось, что я не умею лгать, и они прозвали меня для начала Правдивый Язык...

– Это хорошее имя, – прервала его Хетти задумчиво и с глубокой убежденностью. – А вы мне говорите, что имена ничего не значат!

– Этого я не говорю, потому что, пожалуй, заслужил это прозвище, и лгать мне труднее, чем другим. Немного спустя делавары увидели, что я скор на ноги, и прозвали меня Голубем; ведь вы знаете, у голубя быстрые крылья и летает он всегда по прямой линии.

– Какое красивое имя! – воскликнула Хетти. – Голуби – милые птички.

– Большинство существ, созданных богом, хороши по-своему, добрая девушка, хотя люди часто уродуют их и заставляют изменять свою природу и внешность. После того как я некоторое время служил гонцом, меня начали брать на охоту, решив, что я проворнее нахожу дичь, чем большинство моих сверстников. Тогда прозвали меня Вислоухим, потому что, как они говорили, у меня собачье чутье.

– Это не так красиво, – ответила Хетти. – Надеюсь, вы недолго носили это имя?

– Пока не разбогател настолько, что купил себе карабин, – возразил собеседник с какой-то гордостью, которая вдруг проглянула сквозь его обычно спокойные и сдержанные манеры. – Тогда увидели, что я могу обзавестись вигвамом, промышлять охотой. Вскоре я получил имя Зверобой и ношу его до сих пор, хотя иные и считают, что больше доблести в том, чтобы добыть скальп ближнего, чем рога оленя.

– Ну, Зверобой, я не из их числа, – ответила Хетти просто. – Джудит любит солдат, и красные мундиры, и пышные султаны, но мне все это не по душе. Она говорит, что офицеры – люди знатные, веселые и любезные, а я дрожу, глядя на них, ведь все ремесло их заключается в том, чтобы убивать своих ближних. Ваше занятие мне больше нравится, и у вас очень хорошее последнее имя, оно гораздо приятнее, чем Натти Бампо.

– Так думать очень естественно для девушки, подобной вам, Хетти, и ничего другого я не ожидал. Говорят, ваша сестра красива, замечательно красива, а красота всегда ищет поклонения.

– Неужели вы никогда не видели Джудит? – спросила девушка с внезапной серьезностью. – Если нет, ступайте сейчас же и посмотрите на нее. Даже Гарри Непоседа не так хорош собой.

Одно мгновение Зверобой глядел на девушку с некоторой досадой. Ее бледное лицо немного зарумянилось, а глаза, обычно такие кроткие и ясные, заблестели, выдавая какое-то тайное душевное движение.

– Ах, Гарри Непоседа! – пробормотал он про себя, направляясь через каюту на противоположный конец судна. – Вот что значит приглядная внешность и хорошо подвешенный язык.

Легко видеть, куда склоняется сердце этого бедного создания, как бы там ни обстояли дела с твоей Джудит.

Тут любезничанье Непоседы, кокетство его возлюбленной, размышления Зверобоя и кроткие мечтания Хетти были прерваны появлением пирога, в которой владеец ковчега проплыл сквозь узкий проход между кустами, служившими его жилищу чем-то вроде бруствера. Видимо, Хаттер, или Плавучий Том, как его запросто называли охотники, знакомые с его привычками, узнал пирогу Непоседы, потому что он нисколько не удивился, увидев молодого человека на своей барже. Старик приветствовал его не только радушно, но с явным удовольствием, к которому примешивалось легкое сожаление о том, что он не появился на несколько дней раньше.

– Я ждал тебя еще на прошлой неделе, – сказал Хаттер не то ворчливо, не то приветливо, – и очень сердился, что ты не показываешься. Здесь проходил гонец, предупреждавший трапперов и охотников, что у Колонии опять вышли неприятности с Канадой. И я чувствовал себя довольно неуютно в этих горах с тремя скальпами на моем попечении и только с одной парой рук, чтобы защищать их.

– Оно и понятно, – ответил Марч. – Так и надлежит чувствовать родителю. Будь у меня две такие дочери, как Джудит и Хетти, я бы, конечно, сказал то же самое, хоть меня и вовсе не огорчает, когда ближайший сосед живет в пятидесяти милях.

– Однако ты предпочел странствовать по этим дебрям не в одиночку, зная, быть может, что канадские дикари шныряют поблизости, – возразил Хаттер, бросая недоверчивый и в то же время пытливый взгляд на Зверобоя.

– Ну так что ж! Говорят, даже плохой товарищ помогает скоротать дорогу. А этого юношу я считаю недурным спутником. Это Зверобой, старый Том, охотник, знаменитый среди делаваров, но христианин по рождению и воспитанию, подобно нам с тобой. Этому парню далеко до совершенства, но попадаются люди похуже его в тех местах, откуда он явился, да, вероятно, и здесь он встретит кое-кого не лучше его. Если нам придется защищать наши капканы и наши владения, парень будет кормить всех нас: он мастак по части дичины.

– Добро пожаловать, молодой человек, – пробурчал Том, протягивая юноше жесткую, костлявую руку в знак своего искреннего расположения. – В такие времена всякий белый человек – друг, и я рассчитываю на вашу поддержку. Дети иногда заставляют сжиматься даже каменное сердце, и дочери тревожат меня больше, чем все мои капканы, шкуры и права на эту страну.

– Это совершенно естественно! – воскликнул Непоседа. – Да, Зверобой, мы с тобой еще не знаем такого по собственному опыту, но все-таки я считаю это естественным. Будь у нас дочери, весьма вероятно, мы разделяли бы те же чувства, и я уважаю человека, который их испытывает. Что касается Джудит, старик, то я уже записался к ней в солдаты, а Зверобой поможет тебе караулить Хетти.

– Очень вам благодарна, мастер Марч, – возразила красавица своим звучным низким голосом. Произношение у нее было совершенно правильное и доказывало, что она получила лучшее воспитание, чем можно было ожидать, судя по внешнему виду и образу жизни ее отца. – Очень вам благодарна, но Джудит Хаттер хватит мужества и опыта, чтобы рассчитывать скорее на себя, чем на таких красивых ветрогонов, как вы. Если нам придется столкнуться с дикарями, то уж лучше вам сойти с моим отцом на берег, чем прятаться в хижине под предлогом защиты нас, женщин, и...

– Ах, девушка, девушка, – перебил отец, – придержи язык и выслушай слово правды! Дикари бродят где-то по берегу озера. Кто знает, может быть, они уже совсем близко и нам придется скоро о них услышать.

– Если это верно, мастер Хаттер, – сказал Непоседа, переменившись в лице, хотя и не обнаруживая малодушного страха, – если это верно, твой ковчег занимает чрезвычайно неудач-

ную позицию. Маскировка могла ввести в заблуждение меня и Зверобоя, но вряд ли она обманет чистокровного индейца, отправившегося на охоту за скальпами.

– Совершенно согласен с тобой, Непоседа, и от всего сердца желал бы, чтобы мы находились теперь где угодно, но только не в этом узком извилистом протоке. Правда, сейчас он скрывает нас, но непременно погубит, если только нас обнаружат. Дикари близко, и нам трудно выбраться из реки, не рискуя быть подстреленными, как дичь у водопоя.

– Но уверены ли вы, мастер Хаттер, что краснокожие, которых вы боитесь, действительно пришли сюда из Канады? – спросил Зверобой почтительно, но серьезно. – Видели вы хотя бы одного из них? Можете ли вы описать их окраску?

– Я нашел следы индейцев по соседству, но не видел ни одного из них. Осматривая свои капканы, я проплыл вниз по протоку милю или около того, как вдруг заметил свежий след, пересекавший край болота и направлявшийся к северу. Какой-то человек проходил здесь меньше чем час назад, и я по размерам сразу узнал отпечаток индейской ступни, даже прежде чем нашел изорванный мокасин, брошенный его хозяином. Я даже видел, где остановился индеец, чтобы сплести себе новый мокасин: это было всего в нескольких ярдах от того места, где он бросил старый.

– Это не похоже на краснокожего, идущего по тропе войны, – возразил Зверобой, покачивая головой. – Во всяком случае, опытный воин сжег, закопал или утопил бы в реке такую улику. Очень возможно, что вы натолкнулись на след мирного индейца. Но на сердце у меня станет гораздо легче, если вы опишете или покажете мне этот мокасин. Я сам пришел сюда, чтобы повидаться с молодым индейским вождем, и он должен был пройти приблизительно в том же направлении, о каком вы говорили. Быть может, это был его след.

– Гарри Непоседа, надеюсь, ты хорошо знаешь этого молодого человека, который назначает свидание дикарям в такой части страны, где он никогда раньше не бывал? – спросил Хаттер тоном, достаточно ясно свидетельствующим об истинном смысле вопроса: грубые люди редко стесняются высказывать свои чувства. – Предательство – индейская повадка, а белые, долго живущие среди индейских племен, быстро перенимают их обычаи и приемы.

– Верно, верно, старый Том, но это не относится к Зверобою, потому что он парень честный, даже если бы у него и не было других достоинств. Я отвечаю за его порядочность, старый Том, хоть не могу поручиться за его храбрость в битве.

– Хотелось бы мне знать, чего ради он сюда приплелся?

– На это легко ответить, мастер Хаттер, – сказал молодой охотник со спокойствием человека, у которого совесть совершенно чиста. – Да и вы, я думаю, вправе спросить об этом. Отец двух таких дочек, который живет на озере, имеет такое же право допрашивать посторонних, как Колония имеет право требовать у французов объяснений, для чего они выставили столько новых полков на границе. Нет, нет, я не отрицаю вашего права знать, почему незнакомый человек явился в ваши места в такое тревожное время.

– Если вы так думаете, друг, расскажите мне вашу историю, не тратя лишних слов.

– Как я уже сказал, это легко сделать, и я все честно расскажу вам. Я еще молод и до сих пор никогда не ходил по тропе войны. Но лишь только к делаварам пришла весть, что им скоро пришлют вампум и томагавк³¹, они поручили мне отправиться к людям моего цвета кожи и получить самые точные сведения о том, как обстоят дела. Так я и сделал. Вернувшись и отдав отчет вождям, я встретил на Скохари королевского офицера, который вез деньги для раздачи дружественным племенам, живущим далее к западу. Чингачгук, молодой вождь, который еще не сразил ни одного врага, тоже решил, что представляется подходящий случай выйти впервые на тропу войны. И один старый делавар посоветовал нам назначить друг другу свидание подле утеса, вблизи истока этого озера. Не скрою, есть у Чингачгука еще и другая цель, но это его

³¹ Посылка томагавка и вампума означала призыв к войне.

тайна, а не моя. И так как она не касается никого из присутствующих, то я больше ничего не скажу...

– Эта тайна касается молодой женщины, – быстро перебила его Джудит и тут же сама рассмеялась над своей несдержанностью и даже немного покраснела, оттого что ей прежде, чем другим, пришла в голову подобная мысль. – Если это дело не связано ни с войной, ни с охотой, то здесь должна быть замешана любовь.

– Тот, кто молод, красив и часто слышит о любви, сразу готов предположить, будто всюду скрываются сердечные чувства, но я ничего не скажу по этому поводу. Чингачгук должен встретиться со мной завтра вечером, за час до заката, подле утеса, а потом мы пойдем дальше своей дорогой, не трогая никого, кроме врагов короля, которых мы по закону считаем и нашими собственными врагами. Издавна зная Непоседу, который ставил капканы в наших местах, и встретив его на Скохари, когда он собирался идти сюда, я сговорился совершить путешествие вместе с ним. Не столько из страха перед мингами, сколько для того, чтобы иметь доброго товарища и, как он говорит, скоротать вместе длинную дорогу.

– И вы думаете, что след, который я видел, может быть оставлен вашим другом? – спросил Хаттер.

– По-моему, да. Может быть, я заблуждаюсь, а может, и нет. Если бы я поглядел на мокасин, то сразу бы вам сказал, сплетен ли он на делаварский образец.

– Ну так вот он, – сказала проворная Джудит, которая уже успела сбегать за ним в отцовскую пирогу. – Скажите, кого он сулит нам – друга или врага? Я считаю вас честным человеком и верю вам, что бы ни воображал мой отец.

– Ты, Джудит, всегда находишь друзей там, где я подозреваю врагов, – проворчал Том. – Но говорите, молодой человек, что вы думаете об этом мокасине.

– Это не делаварская работа, – ответил Зверобой, внимательно разглядывая изношенный и пришедший в негодность мокасин. – Я еще слишком неопытен и не показал себя на тропе войны, чтобы говорить уверенно, но мне кажется, что мокасин этот сплетен на севере и попал сюда из Страны Великих Озер³².

– Если это так, то здесь нельзя оставаться ни минуты, – сказал Хаттер, выглядывая из лиственного прикрытия, как будто он уже ожидал увидеть врагов на другом берегу узкого и извилистого протока. – До ночи осталось не больше часа, а в темноте невозможно двигаться без шума, и он непременно выдаст нас. Слышали вы эхо от выстрела в горах полчаса назад?

– Да, старик, – ответил Непоседа, только теперь сообразивший, какую оплошность он допустил. – Я слышал выстрел, потому что ведь это я спустил курок.

– А я боялся, что стреляют французские индейцы. Все равно – это могло заставить их насторожиться и навести на наш след. Ты худо сделал, выпалив без толку в военное время.

– Я и сам так начинаю думать, дядя Том. Однако если человек даже в безлюдной глуши не смеет выстрелить из страха, что враг услышит его, то на кой черт носить при себе карабин!

Хаттер еще долго совещался с обоими гостями, пока собеседники окончательно не уяснили себе создавшегося положения. Старик растолковал им, как трудно будет вывести в темноте ковчег из такого узкого и быстрого протока, не произведя шума, который неминуемо достигнет индейских ушей. Кто бы ни были пришельцы, бродящие по соседству, они, во всяком случае, станут держаться возможно ближе к озеру или к реке. Берега реки во многих местах заболочены: к тому же она извилиста и так заросла кустами, что по ней при дневном свете можно передвигаться, не подвергаясь ни малейшей опасности быть обнаруженными. Поэтому ушей следует остерегаться гораздо больше, чем глаз, особенно пока судно будет находиться в коротком и прикрытом лиственным сводом участке протока.

³² Страны Великих Озер – побережье озер Верхнего, Онтарио, Эри, Мичигана в Гурона, населенное гуронами, или мингами.

– Место это очень удобно, чтобы расставлять капканы, да и укрыто оно от любопытных глаз гораздо лучше, чем озеро. И все же я никогда не забираюсь сюда, не приняв предварительно всех мер, чтобы выбраться обратно, – продолжал старый чудак. – А выбираться отсюда гораздо легче, подтягивая судно на канате, чем отталкиваясь веслом. Якорь лежит в открытом озере, у начала протока, а здесь вы видите канат, за который можно тянуть. Но без вашей помощи, с одной только парой рук, было бы довольно тяжело протащить такую баржу вверх по течению. К счастью, Джуди орудует веслом не хуже меня, и когда мы не боимся неприятеля, то выбраться из реки бывает не слишком трудно.

– А что мы выиграем, мастер Хаттер, переменив позицию? – серьезно спросил Зверобой. – Здесь мы хорошо укрыты и, засев в каюте, можем упорно обороняться. Сам я никогда не участвовал в боях и знаю о них только понаслышке, но мне кажется, что мы могли бы одолеть двадцать мингов под защитой таких укреплений.

– Эх, эх! Никогда не участвовали в боях и знаете о них только понаслышке! Это сразу заметно, молодой человек. Видели вы когда-нибудь озеро пошире этого, прежде чем явились сюда с Непоседой?

– Не могу сказать, чтобы видел, – скромно ответил Зверобой. – В мои годы надо учиться, и я вовсе не желаю возвышать голос в совете, пока не наберусь достаточно опыта.

– Хорошо. В таком случае я объясню вам все невыгоды этой позиции и все преимущества боя на открытом озере. Здесь, видите ли, дикари будут направлять свои выстрелы прямо в цель, и надо полагать, что несколько пуль все же попадут в щели между бревнами. Нам же придется стрелять наугад в лесную чащу. Кроме того, пока я здесь, дикари могут захватить и разграбить замок, и тогда пропадет все мое имущество. А когда мы выйдем на озеро, на нас могут напасть только в лодках или на плотах, и там мы можем заслонить замок ковчегом. Понятно ли все это, юноша?

– Да, это звучит разумно, и я не стану с вами спорить.

– Ладно, старый Том! – крикнул Непоседа. – Если надо убираться отсюда, то, чем скорее мы это сделаем, тем раньше узнаем, суждено ли нам воспользоваться сегодня нашими собственными волосами в качестве ночных колпаков.

Предложение это было настолько благоразумно, что никто не подумал возражать против него. После краткого предварительного совещания трое мужчин поспешили сдвинуть ковчег с места.

Причалы были отданы в один миг, и тяжелая махина медленно выплыла из-под прикрытия. Лишь только она освободилась от помехи, которую представляли собой ветви, сила течения почти вплотную прибила ее к западному берегу.

У всех невольно сжалось сердце, когда ковчег, ломая ветви, начал пробираться сквозь кусты и деревья: никто не знал, когда и где может появиться тайный лютый враг. Сумрачный свет, все еще струившийся через нависший лиственный покров и пролагавший себе дорогу сквозь узкий, похожий на ленту просвет над рекой, усиливал ощущение опасности: предметы видны, но очертания их расплывались. Солнце еще не закатилось, но прямые лучи его уже не проникали в долину; вечерние тени начали сгущаться, и лесной сумрак становился еще более жутким и унылым.

Однако мужчины все время вытягивали канат, и ковчег медленно и безостановочно двигался вперед. У баржи было очень широкое днище, поэтому она неглубоко сидела в воде и плыла довольно легко.

Опыт подсказал Хаттеру еще одну меру предосторожности, устранившую препятствия, которые иначе неизбежно поджидали бы их у каждого изгиба реки. Когда ковчег спускался вниз по течению, Хаттер погрузил в воду на самой середине протока тяжелые камни, привязанные к канату. Благодаря этому образовалась цепь якорей: каждый из них удерживался на месте

при помощи предыдущего. Не будь этих якорей, ковчег неминуемо цеплялся бы за берега; теперь же он плыл, легко и обходя их.

Пользуясь всеми выгодами этой уловки и подгоняемые боязнью встретиться с индейцами, Плавучий Том и оба его товарища тянули ковчег вверх по течению с такой быстротой, какую только допустила прочность каната. На каждом повороте протока со дна поднимали камень, после чего курс баржи изменялся и она направлялась к следующему камню. Иногда Хаттер тихим, приглушенным голосом побуждал друзей напрячь все свои силы. Предостерегал их от излишнего усердия, которое в данном случае могло быть опасным.

Несмотря на то что мужчины привыкли к лесам, угрюмый характер густо заросшей и затененной реки усиливал томившее их беспокойство. И когда наконец ковчег достиг первого поворота Саскуиханны и глазу открылась широкая гладь озера, все испытали чувство облегчения, в котором, быть может, не хотели признаться. Со дна подняли последний камень; канат уже тянулся прямо к якорю, заброшенному, как объяснил Хаттер, в том месте, где начиналось течение.

– Слава богу! – воскликнул Непоседа. – Наконец-то показался дневной свет, и мы скоро сможем увидеть наших врагов, если нам суждено иметь с ними дело!

– Ну, этого еще нельзя сказать, – проворчал Хаттер. – На берегу, у самого истока, осталось одно местечко, где может притаиться целая шайка. Самая опасная минута настанет тогда, когда, миновав эти деревья, мы выйдем на открытое место: тогда враги останутся под прикрытием, а мы будем на виду... Джудит, моя девочка, брось весло и спрячься в каюту вместе с Хетти, и, пожалуйста, не высовывайтесь из окошка. Те, с кем, может быть, придется нам встретиться, вряд ли станут любоваться вашей красотой... А теперь, Непоседа, давай-ка тоже войдем внутрь и будем тянуть канат из-за двери; что, по крайней мере, избавит нас от всяких неожиданностей... Друг Зверобой, здесь течение гораздо слабее и канат лежит совершенно прямо, поэтому будет гораздо лучше, если вы станете переходить от окошка к окошку и следить за тем, что делается снаружи. Но помните: прячьте голову, если только вам дорога жизнь. Как знать, когда и где мы услышим о наших соседях.

Зверобой повиновался, не испытывая страха. Он был сильно возбужден, оттого что попал в совершенно новое для него положение. Впервые в жизни он находился поблизости от врага или, во всяком случае, имел все основания предполагать это. Когда он занял место у окошка, ковчег проходил через самую узкую часть протока, откуда началась река в собственном смысле этого слова и где деревья переплетались наверху, прикрывая проток зеленым сводом.

Ковчег уже оставлял за собой последнюю извилину этого лиственного коридора, когда Зверобой, высмотрев все, что можно было увидеть на восточном берегу реки, прошел через каюту, чтобы взглянуть на западный берег через другое окошко. Он появился у этого наблюдательного пункта как нельзя более вовремя: не успел он приложить глаз к щели, как увидел зрелище, способное, несомненно, напугать такого молодого и неопытного часового. Над водой, образуя дугу, свисало молодое деревце; когда-то оно тянулось к свету, а потом было придавлено тяжестью снега – случай нередкий в американских лесах. И вот на это дерево уже взбиралось человек шесть индейцев, а другие стояли внизу, готовясь последовать за первыми, лишь только освободится место. Индейцы, очевидно, намеревались, перебравшись по стволу, соскочить на крышу ковчега, когда судно будет проплывать под ними. Это не представляло большой трудности, так как по склоненному дереву передвигаться было легко. Ветви служили достаточно прочной опорой рукам, а прыгнуть с такой высоты ничего не стоило. Зверобой увидел эту кучку краснокожих в ту минуту, когда они только что вышли из леса и начали карабкаться по стволу. Давнее знакомство с индейскими обычаями подсказало охотнику, что пришельцы в полной боевой раскраске и принадлежат к враждебному племени.

– Тяни, Непоседа, – закричал он, – тяни изо всех сил, если любишь Джудит Хаттер! Тяни, малый, тяни!

Молодой охотник знал, что обращается к человеку, обладающему исполинской мощью. Призыв прозвучал грозно и предостерегающе. Хаттер и Марч, поняв все его значение, в самый опасный момент изо всей мочи налегли на канат. Ковчег пошел вдвое быстрее и наконец выскользнул из-под лесного свода, словно сознавая нависшую над ним беду.

Заметив, что они обнаружены, индейцы издали громкий боевой клич и сломя голову начали прыгать с дерева, стараясь попасть на кровлю ковчега. На дерево уже успели взобраться шесть человек, и они один за другим пытались свое счастье. Но все падали в воду – кто ближе, а кто дальше, в зависимости от того, раньше или позже оказались они на дереве.

Лишь вождь, занимавший наиболее опасный пост впереди всех, прыгнул раньше других и упал на баржу как раз возле кормы. Однако он был так оглушен, что минуту стоял, согнувшись, не соображая, что с ним происходит.

В это мгновение Джудит, с разгоревшимися щеками и еще более красивая, чем всегда, выскочила из каюты и, собрав все свои силы, одним толчком сбросила индейца за борт, головой прямо в реку. Едва успела она совершить этот решительный поступок, как в ней пробудилась слабая женщина. Она наклонилась над кормой, желая узнать, что стало с упавшим, и выражение ее глаз смягчилось. Лицо девушки зарумянилось от стыда и удивления перед собственной смелостью, и она рассмеялась своим обычным приятным смехом. Все это было делом секунды. Потом рука Зверобоя обхватила ее за талию и увлекла обратно в каюту. Отступление произошло вовремя. Едва они очутились под прикрытием, как весь лес огласился воплями и пули застучали по бревнам.

Тем временем ковчег продолжал продвигаться вперед: после этого небольшого происшествия ему уже не грозила опасность. Как только погасла первая вспышка гнева, дикари прекратили стрельбу, поняв, что лишь зря тратят заряды. Хаттер вытащил из воды последний якорь. Течение здесь было тихое, и судно продолжало медленно плыть вперед, пока не очутилось в открытом озере, хотя настолько близко от берега, что пули представляли еще некоторую угрозу. Хаттер и Марч под прикрытием бревенчатых стен налегли на весла и вскоре отвели ковчег настолько далеко, что враги потеряли желание снова напасть на них.

Глава V

*А раненый олень лежит,
А лань здоровая смеется.
Один заснул, другой не спит —
И так на свете все ведется!*

Шекспир. «Гамлет»³³

На носу баржи состоялось новое совещание, на котором присутствовали Джудит и Хетти. Враг уже не мог напасть неожиданно, но ощущение непосредственной опасности сменилось тягостным сознанием, что на берегу притаилось много индейцев, которые, конечно, не упустят возможности погубить обитателей ковчега. Понятно, что больше всех беспокоился Хаттер, а дочери, привыкшие во всем полагаться на отца, не отдавали себе ясного отчета в том, что им грозило. Старик Хаттер прекрасно сознавал, что два товарища могут покинуть его в любую минуту. Это обстоятельство, как легко мог заметить внимательный наблюдатель, тревожило его сильнее всего.

— У нас есть большое преимущество перед ирокезами и всеми другими врагами, как бы они там ни назывались, — сказал он, — потому что мы наконец выбрались на чистую воду. На озере нет ни одной лодки, которой я бы не знал. Свою пирогу ты пригнал сюда, Непоседа, на берегу теперь осталось только две, и они так хорошо спрятаны в дуплах деревьев, что как бы индейцы ни старались, они едва ли их отыщут.

— Ну, этого нельзя утверждать, — заметил Зверобой. — Уж если краснокожий задумал что-нибудь отыскать, то чутье у него становится лучше, чем у собаки. Если они вышли на охоту за скальпами и надеются пограбить, то вряд ли какое-нибудь дупло укроет пирогу от их глаз.

— Ты прав, Зверобой! — воскликнул Гарри Марч. — В таких вопросах ты непогрешим, и я рад, очень рад, что моя пирога здесь, у меня под рукой. Я полагаю, старый Том, что если они серьезно решили выкурить нас, то еще до завтрашнего вечера отыщут все пироги, а потому нам не мешает взяться за весла.

Хаттер ответил не сразу. С минуту он молчаливо глядел по сторонам, осматривая небо, озеро и плотно охватывавшую его со всех сторон полосу леса. Нигде он не заметил тревожных примет. Бесконечные леса дремали в глубоком спокойствии. Небеса были безмятежно ясны, их еще золотил свет заходящего солнца, а озеро казалось более прекрасным и мирным, чем в течение всего этого дня. То было зрелище всеобщего умиротворения: оно убаюкивало человеческие страсти, навевало на них священный покой. Какое действие оно произвело на наших героев, покажет дальнейшее повествование.

— Джудит, — сказал отец, закончив недолгий, но внимательный осмотр, — вот-вот наступит ночь. Приготовь нашим друзьям чего-нибудь поесть. После долгого перехода они, должно быть, здорово проголодались.

— Мы не голодны, мастер Хаттер, — заметил Марч. — Мы основательно заправились, когда подошли к озеру. Что до меня, то общество Джуди я предпочитаю даже ужину, приготовленному ею. В такой тихий вечер приятно посидеть рядком.

— Природа остается природой, — возразил Хаттер, — и желудок требует пищи... Джудит, приготовь чего-нибудь поесть, и пусть сестра тебе поможет... Мне надо побеседовать с вами, друзья, — продолжал он, лишь только дочери удалились, — я не хочу, чтобы девочки были при

³³ Перевод А. Кронеберга.

этом. Вы видите, в каком я положении. Мне хотелось бы услышать ваше мнение о том, как лучше поступить. Уже три раза поджигали мой дом, но это было на берегу. Я считал себя в полной безопасности, с тех пор как построил замок и ковчег. Однако раньше все неприятности случались со мной в мирное время, и это были сущие пустяки, к которым должен быть готов всякий, кто живет в лесу. Но теперь дело приняло серьезный оборот, и я надеюсь, что ваши соображения на этот счет облегчат мне душу.

– По-моему, старый Том, и ты сам, и твоя хижина, и твои капканы, и все твои владения попали в отчаянную переделку, – деловито ответил Непоседа, не считавший нужным стесняться. – Насколько я понимаю, они не стоят сегодня и половины того, что стоили вчера. Я бы не дал за них больше, если бы даже пришлось рассчитывать на шкурами.

– Но у меня дети! – продолжал отец таким тоном, что даже самый проникательный наблюдатель затруднился бы сказать, что это: искусное притворство или же искреннее выражение родительской тревоги. – Дочери, Непоседа, и к тому же хорошие девушки, смею сказать, хоть я их отец.

– Всякий имеет право говорить что угодно, мастер Хаттер, особенно когда ему приходится круто. У тебя и впрямь две дочки, и одна из них по красоте не имеет себе равной на всей границе, хотя манеры у нее могли бы быть получше. А что до бедной Хетти, то она – Хетти Хаттер, и это все, что можно сказать о бедном создании. Я бы попросил у тебя руки Джудит, если бы ее поведение было под стать ее наружности.

– Вижу, Гарри Марч, что на тебя особенно нечего рассчитывать. Вероятно, твой товарищ рассуждает так же, – возразил старик с некоторой надменностью, не лишенной достоинства. – Ладно, буду уповать на провидение, оно, быть может, не останется глухим к отцовским молитвам.

– Если вы подозреваете, что Непоседа собирается бросить вас, – сказал Зверобой с простодушной серьезностью, придававшей еще большее значение его словам, – то я думаю, что вы к нему несправедливы. Я думаю, что вы несправедливы и ко мне, предполагая, что я последую за ним, если он окажется таким бессердечным, что на всей границе, то есть в обширной полосе, где поселения европейских колонистов граничили с девственным лесом. Граница эта непрерывно перемещалась с востока на запад, бросит в беде целое семейство. Я пришел на это озеро, мастер Хаттер, повидаться с другом. Не сомневаюсь поэтому, что завтра на закате солнца найдется еще один карабин, чтобы защищать вас. Правда, этот карабин так же, как и мой, еще не испытан в бою, однако он не раз уже доказал свою меткость на охоте как по мелкой, так и по крупной дичи.

– Стало быть, я могу надеяться, что вы останетесь защищать меня и моих дочерей? – спросил старик с выражением отцовской тревоги на лице.

– Можете, Плавучий Том, если позволите так называть вас. Я буду защищать вас, как брат сестру, как муж жену или как поклонник свою возлюбленную. В этой беде вы можете рассчитывать на меня во всем, и я думаю, что Непоседа изменит своему характеру и своим желаниям, если не скажет вам того же.

– Ну вот еще! – крикнула Джудит, выглядывая из-за двери. – Он непоседа и по прозвищу, и по характеру и, уж конечно, не станет сидеть на месте, когда почувствует, что опасность грозит его смазливой физиономии. Ни «старый Том», ни его «девочки» не рассчитывают на мастера Марча: они достаточно его знают. Но на вас они надеются, Зверобой. Ваше честное лицо и честное сердце порука тому, что вы исполните ваше обещание.

Все это было сказано скорее с притворным, чем с искренним гневом на Непоседу. И все же подлинное чувство звучало в словах девушки. Выразительное лицо Джудит достаточно красноречиво говорило об этом. И если Марчу показалось, что еще ни разу он не видел на этом лице такого горделивого презрения (чувство, которое особенно было свойственно красавице),

то, уж конечно, еще никогда не светилося оно такой нежностью, как в тот миг, когда голубые глаза взглянули на Зверобоя.

– Оставь нас, Джудит! – строго приказал Хаттер, прежде чем молодые люди успели ответить. – Оставь нас и не возвращайся, пока не приготовишь дичь и рыбу. Девушка избалована лестью офицеров, которые иногда забираются сюда, мастер Марч, и ты не станешь обижаться на ее глупые слова.

– Ничего умнее ты никогда не говорил, старый Том! – возразил Непоседа, которого поколебало от замечания Джудит. – Молодцы из форта испортили ее своими чертовскими языками. Я едва узнаю Джуди и скоро стану поклонником ее сестры, она мне гораздо больше по вкусу.

– Рад слышать это, Гарри, и вижу в этом признак того, что ты готов остепениться. Хетти будет гораздо более верной и рассудительной спутницей жизни, чем Джудит, и, вероятно, охотнее примет твои ухаживания. Я очень боюсь, что офицеры вскружили голову ее сестрице.

– Не может быть на свете более верной жены, чем Хетти, – ответил Непоседа, смеясь, – хотя я не ручаюсь за ее рассудительность. Но все равно: Зверобой не ошибся, когда сказал, что вы найдете меня на посту. Я не брошу тебя, дядя Том, каковы бы ни были мои чувства и намерения насчет твоей старшей дочери.

За свою удаль Непоседа пользовался заслуженным уважением среди товарищей, и потому Хаттер с нескрываемым удовольствием выслушал его обещание. Огромная физическая сила Непоседы была неоценимой подмогой даже теперь, когда нужно было только продвинуть ковчег, а как же она сможет пригодиться во время рукопашных схваток в лесу! Ни один военачальник, очутившийся в трудной боевой обстановке, не радовался так, услышав о прибытии подкреплений, как обрадовался Плавучий Том, узнав, что могучий союзник не покинет его. За минуту до того Хаттер готов был ограничиться одной обороной, но лишь только он почувствовал себя в безопасности, как неугомонный дух внушил ему желание перенести военные действия на неприятельскую территорию.

– За скальпы дают большие премии, – заметил он с мрачной улыбкой, как бы ощущая всю силу искушения и в то же время давая понять, что считает не совсем удобным зарабатывать деньги способом, который внушает отвращение всем цивилизованным людям. – Быть может, и не очень хорошо получать деньги за человеческую кровь, но если уж люди начали истреблять друг друга, то почему бы не присоединить маленький кусочек кожи к остальной добыче? Что ты думаешь об этом, Непоседа?

– Думаю, что ты здорово дал маху, старик, назвав дикарскую кровь человеческой кровью, только и всего! Снять скальп с краснокожего, по-моему, все равно что отрезать пару волчьих ушей, и я с легким сердцем готов брать деньги и за то, и за другое. Что касается белых, то это иное дело, потому что в них врожденное отвращение к скальпировке, тогда как индеец бреет себе голову в ожидании ножа и отращивает на макушке чуб словно для того, чтобы удобнее было схватить его.

– Вот это значит рассуждать, как подобает мужчине, и я сразу понял, что если уж ты на нашей стороне, то будешь помогать нам всем сердцем, – подхватил Том, отбрасывая всякую сдержанность, лишь только заметил настроение товарища. – Это нашествие краснокожих может кончиться так, как им и не снилось. Полагаю, Зверобой, что вы согласны с Гарри и также считаете, что этим способом можно заработать деньги не менее достойно, чем охотой.

– Нет, я этому не сочувствую, – возразил молодой человек. – Я не способен снимать скальпы. Если вы и Непоседа собираетесь заработать деньги, которые посулило колониальное начальство, добывайте их сами, а женщин оставьте на мое попечение. Я не разделяю ваших взглядов на обязанности белого человека, но уверен, что долг сильного заключается в том, чтобы защищать слабого.

– Гарри Непоседа, вот урок, который вам надо затвердить наизусть и применять на деле, – донесся из каюты приятный голос Джудит – явное доказательство того, что она подслушала весь разговор.

– Довольно глупостей, Джудит! – крикнул отец сердито. – Отойди подальше, мы говорим о том, о чем женщинам слушать не следует.

Однако Хаттер даже не оглянулся, что удостовериться, что его приказание исполнено. Он понизил голос и продолжал:

– Молодой человек прав – мы можем оставить детей на его попечение. А моя мысль такова, и ты найдешь ее правильной. На берегу собралось скопище дикарей, среди них есть и женщины. Я говорил об этом при девочках, они могут расстроиться, когда дойдет до настоящего дела. Я узнал это, рассматривая следы мокасин; возможно, что эти индейцы просто охотники, которые еще ничего не слышали о войне и о премиях за скальпы.

– В таком случае, старый Том, почему они, вместо того чтобы приветствовать нас, хотели перерезать нам глотки? – спросил Гарри.

– Мы не знаем, так ли кровожадны были их намерения. Индейцы привыкли нападать врасплох из засады и, наверное, хотели сначала забраться на борт ковчега, а потом поставить нам свои условия. Если дикари стреляли в нас, обманувшись в своих ожиданиях, то это дело обычное, и я не придаю ему большого значения. Сколько раз в мирное время они поджигали мой дом, воровали дичь из моих капканов и стреляли в меня!

– Я знаю, негодяи любят проделывать такие штуки, и мы имеем право платить им той же монетой. Женщины действительно не следуют за мужчинами по тропе войны, так что, может быть, ты и прав.

– Но охотники не выступают в боевой раскраске, – возразил Зверобой. – Я хорошо рассмотрел этих мингов и знаю, что они пустились на охоту за людьми, а не за бобрами или другой дичью.

– А что ты на это скажешь, старик? – подхватил Непоседа.

– Уж если речь идет о зоркости глаза, то я скоро буду верить этому молодому человеку не меньше, чем самому старому поселенцу во всей нашей Колонии. Если он говорит, что индейцы в боевой раскраске, то, стало быть, так оно и есть. Военный отряд повстречался, должно быть, с толпой охотников, а среди них, несомненно, есть женщины. Гонец, принесший весть о войне, проходил здесь всего несколько дней назад, и, может быть, воины пришли теперь, чтобы отправить обратно женщин и детей и нанести первый удар.

– Любой согласится с этим, и это истинная правда! – вскричал Непоседа. – Ты угадал, старый Том, и мне хочется послушать, что ты предлагаешь делать.

– Заработать побольше денег на премиях, – отвечал собеседник холодно и мрачно. Лицо его выражало скорее бессердечную жадность, чем злобу или жажду мести. – Если там есть женщины и дети, то, значит, можно раздобыть всякие скальпы: и большие, и маленькие. Колония платит за все одинаково...

– Тем хуже, – перебил Зверобой, – тем больше позора для всех нас!

– Обожди, парень, и не кричи, пока не обмозгуешь этого дела, – невозмутимо возразил Непоседа. – Дикари снимают скальпы с твоих друзей-делаваров и могикан; почему б и нам не снимать с них скальпы в свой черед? Признаю, было бы очень нехорошо, если бы мы с тобой отправились за скальпами в селения бледнолицых. Но что касается индейцев, то это статья иная. Человек, который охотится за скальпами, не должен обижаться, если его собственную голову обдерут при удобном случае. Как аукнется, так и откликнется – это известно всему свету. По-моему, это вполне разумно и, надеюсь, не противоречит религии.

– Эх, мастер Марч! – снова раздался голос Джудит. – Очевидно, вы думаете, что религия поощряет грязные поступки.

– Я никогда не спорю с вами, Джудит: вы побеждаете меня вашей красотой, если не можете победить разумными доводами. Канадские французы платят своим индейцам за скальпы, почему бы и нам не платить...

– ...н а ш и м индейцам! – воскликнула девушка, рассмеявшись невеселым «смехом». – Отец, отец, брось думать об этом и слушай только советы Зверобоя – у него есть совесть. Я не могу сказать того же о Гарри Марче.

Тут Хаттер встал и, войдя в каюту, заставил своих дочерей удалиться на другой конец баржи, потом запер обе двери и вернулся. Он и Непоседа продолжали разговаривать. Так как содержание их речей выяснится из дальнейшего рассказа, то нет надобности излагать его здесь со всеми подробностями. Совещение длилось до тех пор, пока Джудит не подала простой, но вкусный ужин. Марч с некоторым удивлением заметил, что самые лучшие куски она подкладывает Зверобою, как бы желая показать, что считает его почетным гостем. Впрочем, давно привыкнув к кокетству своей ветреной красавицы, Непоседа не почувствовал особой досады и тотчас же начал есть с аппетитом, которого не портили соображения нравственного порядка.

Зверобой не отставал от него и воздал должное поданным яствам, несмотря на обильную трапезу, которую поутру разделил с товарищем в лесу.

Час спустя весь окружающий пейзаж сильно изменился. Озеро по-прежнему оставалось тихим и гладким, как зеркало, но мягкий полусвет летнего вечера сменился ночной тьмой, и все водное пространство, окаймленное темной рамкой лесов, лежало в глубоком спокойствии ночи. Из леса не доносилось ни пения, ни крика, ни даже шепота. Слышен был только мерный всплеск весел, которыми Непоседа и Зверобой не торопясь подвигали ковчег по направлению к «замку». Хаттер пошел на корму, собираясь взяться за руль. Заметив, однако, что молодые люди и без его помощи идут правильным курсом, он отпустил рулевое весло, уселся на корме и закурил трубку. Он просидел там всего несколько минут, когда Хетти, тихонько выскользнув из каюты, или «дома», как обычно называли эту часть ковчега, устроилась у его ног на маленькой скамейке, которую она принесла с собой. Слабоумное дитя часто так поступало, и старик не обратил на это особого внимания. Он лишь ласково положил руку на голову девушки, и она с молчаливым смирением приняла эту милость.

Помолчав несколько минут, Хетти вдруг запела. Голос у нее был низкий и дрожащий. Он звучал серьезно и торжественно. Слова и мотив отличались необычайной простотой. То был один из тех гимнов, которые нравятся всем классам общества всегда и везде, один из тех гимнов, которые рождены чувством и вызывают к чувству. Хетти научилась ему у своей матери. Слушая эту простую мелодию, Хаттер всегда чувствовал, как смягчается его сердце, дочь отлично знала это и часто этим пользовалась, побуждаемая инстинктом, который часто руководит слабоумными существами, особенно когда они стремятся к добру.

Едва только послышался приятный голос Хетти, как шум весел смолк и священная мелодия одинаково зазвучала в трепетной тишине пустыни. По мере того как Хетти смелела, голос ее становился все сильнее, и скоро весь воздух наполнился смиренным славословием безгрешной души. Молодые люди не оставались безучастными к трогательному напеву: они взяли за весла, лишь когда последний звук песни замер на отдаленном берегу. Сам Хаттер был троган, ибо, как ни огрубел он вследствие долгой жизни в пустыне, душа его продолжала оставаться той страшной смесью добра и зла, которая так часто бывает свойственна человеческой природе.

– Ты что-то грустна сегодня, девочка, – сказал отец. Когда Хаттер обращался к младшей дочери, его речь обличала в нем человека, получившего в юности кое-какое образование. – Мы только что спаслись от врагов, и нам следует скорее радоваться.

– Ты никогда не сделаешь этого, отец! – сказала Хетти тихо, укоризненным тоном, взяв его узловатую, жесткую руку. – Ты долго говорил с Гарри Марчем, но у вас обоих не хватит духу сделать это.

– Ты не можешь понять таких вещей, глупое дитя... Очень дурно с твоей стороны подслушивать!

– Почему вы с Гарри хотите убивать людей, особенно женщин и детей?

– Тише, девочка, тише! У нас теперь война, и мы должны поступать с нашими врагами так же, как они поступают с нами.

– Это неправда, отец! Я слышала, что говорил Зверобой, вы должны поступать с вашими врагами так же, как вы бы хотели, чтобы они поступали с вами. Ни один человек не хочет, чтобы враги убили его.

– Во время войны мы должны убивать наших врагов, девочка, иначе они нас убьют. Кто-нибудь да должен начать: кто начнет первый, тот, по всей вероятности, одержит победу. Ты ничего не смыслишь в этих делах, бедная Хетти, и поэтому лучше молчи.

– Джудит говорит, что это нехорошо, отец, а Джудит умнее меня.

– Джудит не посмеет говорить со мной о таких вещах; она действительно умнее тебя и знает, что я этого не терплю. Что ты предпочитаешь, Хетти: потерять собственный скальп, который потом продадут французам, или чтобы мы убили наших врагов и помешали им вредить нам?

– Я не хочу ни того, ни другого, отец. Не убивай их, и они не тронут нас. Торгуй мехами и заработай побольше денег, если можешь, но не торгуй кровью.

– Ладно, ладно, дитя! Поговорим лучше о том, что тебе понятно. Ты рада, что опять видишь нашего старого друга Марча? Ты любишь Непоседу и должна знать, что когда-нибудь он станет твоим братом, а может быть, и ближе, чем братом.

– Это невозможно, отец, – сказала девушка после продолжительного молчания. – Непоседа имел уже и отца и мать. У человека не бывает их дважды.

– Так кажется твоему слабому уму, Хетти. Когда Джудит выйдет замуж, отец ее мужа будет ее отцом и сестра мужа ее сестрой. Если она выйдет замуж за Непоседу, он станет твоим братом.

– Джудит никогда не выйдет за Непоседу, – возразила девушка кротко, но решительно. – Джудит не любит Непоседу.

– Этого ты не можешь знать, Хетти. Гарри Марч самый красивый, самый сильный и самый смелый молодой человек из всех, кто когда-либо бывал на озере. А Джудит замечательная красавица, и я не знаю, почему бы им не пожениться? Он очень ясно намекнул, что готов пойти со мной в поход, если я дам свое согласие на их брак.

Хетти начала ходить взад и вперед, что было у нее признаком душевной тревоги. С минуту она ничего не отвечала. Отец, привыкший к ее странностям и не подозревавший истинной причины ее горя, спокойно продолжал курить.

– Непоседа очень, очень красив, отец! – сказала Хетти выразительно и простодушно, чего никогда не сделала бы, если бы привыкла больше считаться с мнением других людей.

– Говорю тебе, дитя, – пробормотал старый Хаттер, не вынимая трубки изо рта, – он самый смазливый юнец в этой части страны, а Джудит самая красивая молодая женщина, которую я видел, с тех пор как ее бедная мать прожила свои лучшие дни.

– Очень дурно быть безобразной, отец?

– Бывают грехи и похуже, но ты совсем не безобразна, хотя не так красива, как Джудит.

– Джудит счастливее меня оттого, что она так красива?

– Может быть, да, дитя, а может быть, и нет. Но поговорим о другом, в этом ты с трудом разбираешься, бедная Хетти. Как тебе нравится наш новый знакомый, Зверобой?

– Он некрасив, отец. Непоседа красивее Зверобоя.

– Это правда. Но говорят, что он знаменитый охотник. Слава о нем достигла моих ушей, прежде чем я его увидел, и надеюсь, он окажется таким же отважным воином. Однако не все

мужчины похожи друг на друга, дитя, и я знаю по опыту – нужно немало времени, чтобы сердце у человека закалилось для жизни в пустыне.

– А у тебя оно закалилось, отец, и у Непоседы тоже?

– Ты иногда задаешь трудные вопросы, Хетти. У тебя доброе сердце, и оно создано скорее для жизни в поселениях, чем в лесу, тогда как твой разум больше годится для леса, чем для поселений.

– Почему Джудит гораздо умнее меня, отец?

– Помоги тебе небо, дитя, – на такой вопрос я не могу ответить. Сам бог наделяет нас и рассудком и красотой. Он дает эти дары тому, кому считает нужным. А ты хотела бы быть умнее?

– О нет! Даже мой маленький разум смущает меня. Чем упорнее я думаю, тем более несчастной себя чувствую. От мыслей нет мне никакой пользы, но мне бы хотелось быть такой же красивой, как Джудит.

– Зачем, бедное дитя? Красота твоей сестры может вовлечь ее в беду, как когда-то вовлекла ее мать. Красота только возбуждает зависть.

– Ведь мать была и добра и красива, – возразила девушка, и из глаз ее потекли слезы, что случалось всегда, когда она вспоминала о покойнице.

Старый Хаттер при этом упоминании о своей жене хотя и не особенно взволновался, но все же нахмурился и умолк в раздумье. Он продолжал курить, видимо, не желая отвечать, пока его простодушная дочь не повторила своих слов, предполагая, что отец с ней не согласен. Тогда он выколотил пепел из трубки и, с грубой лаской положив руку на голову дочери, произнес в ответ:

– Твоя мать была слишком добра для этого мира, хотя, может быть, и не все так думают. Красивая внешность не создала ей друзей. Не стоит горевать, что ты не так похожа на нее, как твоя сестра. Поменьше думай о красоте, дитя, и побольше о твоих обязанностях, и тогда здесь, на озере, ты будешь счастливей, чем в королевском дворце.

– Я это знаю, отец, но Непоседа говорит, что для молодой женщины красота – это все.

Хаттер издал недовольное восклицание и пошел на нос баржи через каюту. Простодушное признание Хетти в своей склонности к Марчу встревожило его, и он решил немедленно объясниться со своим гостем. Прямота и решительность были лучшими свойствами этой грубой натуры, в котором семена, заброшенные образованием, видимо, постоянно сталкивались с плодами жизни, исполненной суровой борьбы. Пройдя на нос, он вызвался сменить Зверобоя у весла, а молодому охотнику предложил занять место на корме. Старик и Непоседа остались с глазу на глаз.

Когда Зверобой появился на своем новом посту, Хетти исчезла. Некоторое время он в одиночестве направлял медленное движение судна. Однако немного погодя из каюты вышла Джудит, словно она желала развлечь незнакомца, оказавшего услугу ее семейству. Звездный свет был так ярок, что все кругом было ясно видно, а блестящие глаза девушки выражали такую доброту, когда встретились с глазами юноши, что он не мог не заметить этого. Пышные волосы Джудит обрамляли ее одухотворенное приветливое лицо, казавшееся в этот час еще прекраснее.

– Я думала, что умру от смеха, Зверобой, – кокетливо начала красавица, – когда увидела, как этот индеец нырнул в реку! Это был очень видный собой дикарь, – прибавила девушка, считавшая физическую красоту чем-то вроде личной заслуги. – Жаль, мы не могли остановиться, чтобы поглядеть, не слиняла ли от воды его боевая раскраска.

– А я боялся, что они выстрелят в вас, Джудит, – сказал Зверобой. – Очень опасно для женщины выбегать из-под прикрытия на глазах у целой дюжины мингов.

– Почему же вы сами вышли из каюты, несмотря на то что у них были ружья? – спросила девушка, выказав при этом больше интереса, чем ей хотелось. Она произнесла эти слова с притворной небрежностью – результат врожденной хитрости и долгой практики.

– Мужчина не может видеть женщину в опасности и не прийти к ней на помощь.

Сказано это было совсем просто, но с большим чувством, и Джудит наградила собеседника такой милой улыбкой, что даже Зверобой, составивший себе на основании рассказов Непоседы очень худое мнение о девушке, не мог не поддаться ее очарованию. Между ними сразу установилось взаимное доверие, и разговор продолжался.

– Я вижу, что слова у вас не расходятся с делом, Зверобой, – продолжала красавица, усаживаясь у ног молодого охотника. – Надеюсь, мы будем добрыми друзьями. У Гарри Непоседы бойкий язык, и он хоть и великан, а говорит гораздо больше, чем делает.

– Марч – ваш друг, Джудит, а о друзьях нельзя говорить дурно у них за спиной.

– Мы все знаем, чего стоит дружба Непоседы. Потакайте его причудам, и он будет самым милым парнем в целой Колонии, но попробуйте только погладить его против шерсти, тут уж ему с собой не совладать. Я не очень люблю Непоседу, Зверобой, и, говоря по правде, думаю, что он отзывается обо мне не лучше, чем я о нем.

В последних словах прозвучала затаенная горечь. Если бы ее собеседник лучше знал жизнь и людей, он мог бы заметить по личику, которое она отвернула, по нервному постукиванию маленькой ножки и по другим признакам, что мнение Марча далеко не так безразлично для Джудит, как она утверждала. Читатель со временем узнает, чем это объяснялось – женским ли тщеславием или более глубоким чувством. Зверобой порядком смутился. Он хорошо помнил злые слова Марча. Вредить товарищу он не хотел и в то же время совершенно не умел лгать. Поэтому ему нелегко было ответить.

– Марч обо всех говорит напрямик – о друзьях и о врагах, – медленно и осторожно возразил охотник. – Он из числа тех людей, которые всегда говорят то, что чувствуют в то время, как у них работает язык, а это часто отличается от того, что он сказал бы, если бы дал себе время подумать. А вот делавары, Джудит, всегда обдумывают свои слова. Постоянные опасности сделали их осмотрительными, и длинные языки не пользуются почетом на их совещаниях у костров.

– Смею сказать, язык у Марча достаточно длинный, когда речь заходит о Джудит Хаттер и о ее сестре, – сказала девушка, поднимаясь с видом беззаботного презрения. – Доброе имя молодых девушек – излюбленный предмет беседы для людей, которые не посмели бы разинуть рот, если бы у этих девушек был брат. Мастер Марч, вероятно, любит злословить на наш счет, но рано или поздно он раскается.

– Ну, Джудит, вы относитесь к этому слишком уж серьезно. Начать с того, что Непоседа не обмолвился ни единым словом, которое могло бы повредить доброму имени Хетти...

– Понимаю, понимаю, – взволнованно перебила Джудит, – я единственная, кого он жалит своим ядовитым языком. В самом деле, Хетти... Бедная Хетти! – продолжала она более тихим голосом. – Ее не может задеть его коварное злословие. Бог никогда не создавал более чистого существа, чем Хетти Хаттер, Зверобой.

– Охотно верю, Джудит, и надеюсь, что то же самое можно сказать о ее красивой сестре.

В голосе Зверобоя слышалась искренность, которая тронула девушку. Тем не менее тихий голос совести не смолк и подсказал ответ, который она и произнесла после некоторого колебания:

– Я полагаю, Непоседа позволил себе какие-нибудь грязные намеки насчет офицеров. Он знает, что они дворяне, а он не может простить ни одному человеку, если тот в каком-нибудь отношении стоит выше его.

– Он, конечно, не мог бы стать королевским офицером, Джудит, но, по правде говоря, разве охотник на бобров не может быть таким же уважаемым человеком, как губернатор? Раз

уж вы сами заговорили об этом, то, не отрицаю, он жаловался, что такая простая девушка, как вы, слишком любит красные мундиры и шелковые шарфы. Но в нем говорила ревность, и, я думаю, он скорее горевал, как мать может горевать о собственном ребенке.

Быть может, Зверобой не вполне понимал все значение своих слов, которые он произнес очень серьезно. Он не заметил румянца, покрывшего прекрасное лицо Джудит, и ему не могло прийти в голову, какая жестокая печаль заставила эти живые краски тотчас же смениться смертельной бледностью. Минуты две прошли в глубоком молчании; только плеск воды нарушал тишину; потом Джудит встала и почти судорожно стиснула своей рукой руку охотника.

– Зверобой, – быстро проговорила она, – я рада, что лед между нами растаял. Говорят, внезапная дружба кончается долгой враждой, но, я думаю, у нас этого не будет. Не знаю, чем объяснить это, но вы первый мужчина, встретившийся на моем пути, который, очевидно, не хочет льстить мне и не стремится втайне погубить меня. Но ничего не говорите Непоседе, и как-нибудь мы еще побеседуем с вами об этом.

Девушка разжала пальцы и исчезла в каюте. Озадаченный юноша стоял у руля неподвижно, как сосна на холме. Он опомнился, лишь когда Хаттер окликнул его и предложил ему держать правильно курс баржи.

Глава VI

*Так говорил отступник-Ангел, громко
Хвалясь средь мук, хотя его внутри
Глубокое отчаянье терзало...*

Мильтон. «Потерянный рай»³⁴

Вскоре после ухода Джудит подул легкий южный ветерок, и Хаттер поднял большой квадратный парус. Когда-то он развевался на реях морского шлюпа. Океанские бризы продырявили парус, его забраковали и продали. У старика был также легкий, но прочный брус из тамарак-ового³⁵ дерева, который в случае надобности он мог укреплять стоймя. С помощью этого нехитрого приспособления парус развевался по ветру. Теперь уже не было надобности работать веслами. Часа через два на расстоянии сотни ярдов в темноте показался «замок». Тогда парус спустили, и ковчег, продолжая плыть вперед, пристал к постройке; здесь его и привязали.

С той поры, как Непоседа и его спутник покинули дом, никто в него не входил. Всюду царила полуночная тишина. Враги были близко, и Хаттер приказал дочерям не зажигать свет. В теплое время года они вообще редко позволяли себе такую роскошь, потому что огонь мог служить маяком, указывающим путь неприятелям.

– При дневном свете, под защитой этих толстых бревен, я не боюсь целого полчища дикарей, – прибавил Хаттер, объяснив гостям, почему он запретил зажигать огонь. – У меня здесь всегда наготове три-четыре добрых ружья, а вот этот длинный карабин, который называется «оленебоем», никогда не дает осечки. Ночью совсем не то. В темноте может невидимо подплыть пирога, а дикари знают столько всяких военных уловок, что я предпочитаю иметь дело с ними при ярком солнце. Я выстроил это жилище, чтобы держать их на расстоянии ружейного выстрела, если дойдет до драки. Некоторые считают, что дом стоит слишком на виду и на слишком открытом месте, но я предпочитаю держаться на якоре здесь, подальше от зарослей и кустарников, и думаю, что это самая безопасная гавань.

– Я слышал, что ты был когда-то моряком, старый Том? – спросил Непоседа со своей обычной резкостью, пораженный двумя-тремя техническими морскими выражениями, которые употребил его собеседник. – И люди думают, что ты мог бы рассказать много диковинных историй о битвах и кораблекрушениях.

– Мало ли на свете людей, Непоседа, – возразил Хаттер уклончиво, – которые всегда суют нос в чужие дела! Кое-кому из них удалось отыскать дорогу в наши леса. Кем я был и что видел в дни моей юности? Какое это имеет значение сейчас, когда поблизости дикари! Гораздо важнее знать, что может случиться в ближайшие двадцать четыре часа, чем болтать о том, что было двадцать четыре года назад.

– Это правильно, да, это совершенно правильно. Здесь Джудит и Хетти, и мы должны их охранять, не говоря уже о наших чубах. Что до меня, то я могу спать в темноте так же хорошо, как и при полуденном солнце. Меня не очень заботит, есть ли под рукой свечка, чтобы можно было видеть, как я закрываю глаза.

Зверобой редко считал нужным отвечать на шутки товарища, а Хаттер, очевидно, не хотел больше обсуждать эту тему, и разговор прекратился. Как только девушки ушли спать, Хаттер пригласил товарищей последовать за ним на баржу. Здесь старик рассказал им о своем

³⁴ Перевод Н. Холодковского.

³⁵ Тамарак – американская лиственница.

плане, умолчав, впрочем, о той его части, которую собирался выполнить лишь с помощью одного Непоседы.

– В нашем положении важнее всего удержать господство на воде, – начал он. – Пока на озере нет другого судна, пирога из древесной коры стоит военного корабля, потому что к замку трудно подобраться вплавь. В здешних местах есть лишь пять пироги; две из них принадлежат мне и одна – Гарри. Все три находятся здесь: одна стоит в доке под домом и две привязаны к барже. Остальные две спрятаны на берегу, в дуплах деревьев, но дикари – хитрые бестии и, наверное, поутру обшарят каждый уголок, если они всерьез решили добраться до наших скальпов...

– Друг Хаттер, – перебил его Непоседа, – еще не родился на свет тот индеец, который сумел бы отыскать тщательно спрятанную пирогу. Я недавно это проделал, и Зверобой убедился, что я могу так спрятать лодку, что сам не в силах отыскать ее.

– Правда твоя, Непоседа, – подтвердил молодой человек, – но ты забываешь, что проморгал свой собственный след. А я его заметил. Я совершенно согласен с мастером Хаттером и думаю, что с нашей стороны будет гораздо осторожнее не слишком полагаться на ротозейство индейцев. Если можно пригнать те две пироги к замку, то чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

– И вы согласны помочь нам? – спросил Хаттер, явно удивленный и обрадованный этим предложением.

– Конечно. Я готов участвовать в любом деле, которое прилично белому человеку. Природа велит нам защищать свою жизнь и жизнь других, когда представится такой случай. Я последую за вами, Плавающий Том, хоть в лагерь мингов и постараюсь исполнить мой долг, если дойдет до драки. Но я никогда не принимал участия в битвах и не смею обещать больше, чем могу исполнить. Всем нам известны наши намерения, а вот силу свою мы познаем, лишь испытав ее на деле.

– Вот это сказано скромно и благопристойно, парень! – воскликнул Непоседа. – Ты еще никогда не слышал звука вражеской пули. И позволь сказать тебе, что этот звук так же отличается от выстрела охотника, как смех Джудит Хаттер в ее веселые минуты от воркотни старой голландской домохозяйки на Махоке. Я не жду, Зверобой, что ты окажешься бравым воином, хотя по части охоты на оленей и ланей тебе нет равного в здешних местах. Но, когда дойдет до настоящей работы, по-моему, ты покажешь тыл.

– Увидим, Непоседа, увидим, – возразил молодой человек смиренно. – Так как я никогда еще не дрался, то не стану и хвастать. Я слышал о людях, которые здорово храбрились перед боем, а в бою ничем не отличились; слышал и о других, которые не спешили восхвалять собственную смелость, но на деле оказывались не так уж плохи.

– Во всяком случае, мы знаем, что вы умеете грести, молодой человек, – сказал Хаттер, – а это все, что от вас требуется сегодня ночью. Не будем терять дорогого времени и перейдем от слов к делу.

Пирога скоро была готова к отплытию, и Непоседа со Зверобоем сели на весла. Однако, прежде чем отправиться в путь, старик, войдя в дом, в течение нескольких минут разговаривал с Джудит. Потом он занял место в пироге, которая отчалила в ту же минуту.

Если бы в этой глуши кто-нибудь воздвиг храм, часы на колокольне пробили бы полночь, когда трое мужчин пустились в задуманную экспедицию. Тьма сгустилась, хотя ночь по-прежнему стояла очень ясная и звезды совершенно достаточно освещали путь нашим искателям приключений. Хаттер один знал места, где были спрятаны пироги, поэтому он правил, в то время как оба его товарища осторожно поднимали и погружали весла. Пирога была так легка, что они гребли без всяких усилий и приблизительно через полчаса подплыли к берегу в одной миле от «замка».

– Положите весла, друзья, – сказал Хаттер тихо. – Давайте немного осмотримся. Теперь нам надо держать ухо востро: у этих тварей носы словно у ищеек.

Внимательный осмотр берегов длился довольно долго. Трое мужчин вглядывались в темноту, ожидая увидеть струйку дыма, поднимающуюся между холмами над затухающим костром, однако не заметили ничего особенного. Они находились на порядочном расстоянии от того места, где встретили дикарей, и решили, что можно безопасно высадиться на берег. Весла заработали вновь, и вскоре киль пироги с еле слышным шуршанием коснулся прибрежной гальки. Хаттер и Непоседа тотчас же выскочили на берег, причем последний взял оба ружья. Зверобой остался охранять пирогу. Дуплистое дерево лежало недалеко от берега на склоне горы. Хаттер осторожно пробирался вперед, останавливаясь через каждые три шага и прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь вражеская поступь. Однако повсюду по-прежнему господствовала мертвая тишина, и они беспрепятственно добрались до места.

– Здесь, – прошептал Хаттер, поставив ногу на ствол упавшей липы. – Сперва передай мне весла и затем вытащи лодку как можно осторожнее, потому что, в конце концов, эти негодяи могли оставить ее нам вместо приманки.

– Держи, старик, мое ружье наготове, прикладом ко мне, – ответил Марч. – Если они нападут, когда я буду нести лодку, мне хочется, по крайней мере, выпустить в них один заряд. Пощупай, есть ли на полке порох.

– Все в порядке, – пробормотал Хаттер. – Когда взвалишь на себя ношу, иди не торопясь, я буду указывать тебе дорогу.

Непоседа с величайшей осторожностью вытащил из дупла пирогу, поднял ее себе на плечи и вместе с Хаттером двинулся в обратный путь, стараясь не поскользнуться на крутом склоне. Идти было недалеко, но спуск оказался очень трудным, и Зверобою пришлось сойти на берег, чтобы помочь товарищам протащить пирогу сквозь густые заросли. С его помощью они успешно с этим справились, и вскоре легкое судно уже покачивалось на воде рядом с первой пирогой. Опасаясь появления врагов, трое путников тревожно осматривали прибрежные холмы и леса. Но ничто не нарушало царившей кругом тишины, и они отплыли с такими же предосторожностями, как и при высадке.

Хаттер держал курс прямо к середине озера. Отойдя подальше от берега, старик отвязал вторую пирогу, зная, что теперь она будет медленно дрейфовать, подгоняемая легким южным ветерком, и ее нетрудно будет отыскать на обратном пути, освободившись от этой помехи, Хаттер направил свою лодку к тому месту, где Непоседа днем так неудачно пытался убить оленя. Расстояние от этого пункта до истока не превышало одной мили, и, следовательно, им предстояло высадиться на вражеской территории. Надо было действовать особенно осторожно. Однако они благополучно достигли оконечности косы и высадились на уже известном нам побережье, усыпанном галькой. В отличие от того места, где они недавно сходили на берег, здесь не нужно было подниматься по крутому склону: горы обрисовывались во мраке приблизительно в одной четверти мили далее к западу, а между их подошвой и побережьем тянулась низина. Длинная, поросшая высокими деревьями песчаная коса имела всего лишь несколько ярдов в ширину. Как и раньше, Хаттер и Непоседа сошли на берег, оставив пирогу на попечение товарища.

Дуплистое дерево, в котором была спрятана пирога, лежало посредине косы. Отыскать его было нетрудно.

Вытащив пирогу, Хаттер и Непоседа не понесли ее в то место, где поджидал Зверобой, а тут же спустили на воду. Непоседа сел на весла и обогнул косу, Хаттер вернулся обратно берегом. Завладев всеми лодками на озере, мужчины почувствовали себя увереннее. Они уже не испытывали прежнего лихорадочного желания скорее покинуть берег и не считали нужным соблюдать прежнюю осторожность. Вдобавок они находились на самом конце узкой полоски земли, и неприятель мог приблизиться к ним только с фронта.

Это, естественно, увеличивало ощущение безопасности. Вот при таких-то обстоятельствах они сошлись на низком мысу, усыпанном галькой, и начали совещаться.

– Ну, кажется, мы перехитрили этих негодяев, – сказал Непоседа, посмеиваясь, – и если они захотят теперь навестить замок, то им придется пуститься вплавь. Старый Том, твоя мысль укрыться на озере, право, недурна. Многие думают, будто земля надежнее воды, но, в конце концов, разум доказывает нам, что это совсем не так. Бобры, крысы и другие смышленные твари ищут спасения в воде, когда им приходится туго. Мы занимаем надежную позицию и можем вызвать на бой всю Канаду.

– Гребите вдоль южного берега, – сказал Хаттер, – надо посмотреть, нет ли где-нибудь индейского лагеря. Но сперва дайте мне заглянуть в глубь бухты – ведь мы не знаем, что тут делается.

Хаттер умолк, и пирога двинулась в том направлении, которое он указал. Но едва гребцы увидели другой берег бухты, как оба разом бросили весла. Очевидно, какой-то предмет в один и тот же миг поразил их внимание. Это был всего-навсего гаснущий костер, который отбрасывал дрожащий слабый свет. Но в такой час и в таком месте это казалось необычайно значительным. Не было никакого сомнения, что костер горит на индейской стоянке. Огонь развели таким образом, что увидеть его можно было только с одной стороны, да и то лишь на самом близком расстоянии – предосторожность не совсем обычная. Хаттер знал, что где-то там поблизости есть родник с чистой питьевой водой и что там самая рыбная часть озера, поэтому он решил, что в лагере должны находиться женщины и дети.

– Это не военный лагерь, – прошептал он Непоседе. – Вокруг этого костра расположилось на ночлег столько скальпов, что можно заработать уйму денег. Отошли парня с пирогами подальше, от него здесь не будет никакого проку, и приступим тотчас же к делу, как положено мужчинам.

– Твои слова не лишены здравого смысла, старый Том, и мне они по душе. Садись-ка в пирогу, Зверобой, гребь к середине озера и пусти там вторую пирогу по течению таким же манером, как и первую. Затем плыви вдоль берега к входу в заводь, только не огибай мыс и держись подальше от тростников. Ты услышишь наши шаги, а если опоздаешь, я стану подражать крику гагары. Да, пусть крик гагары будет сигналом. Если услышишь выстрел и тебе тоже захочется подражаться, что ж, можешь подплыть ближе к берегу, и тогда посмотрим, такая ли у тебя верная рука на дикарей, как на дичь.

– Если вы оба хотите считаться с моими желаниями, то лучше не затевай этого дела, Непоседа.

– Так-то оно так, милый, но с твоими желаниями считаться никто не желает – и крышка! Итак, плыви на середину озера, а когда вернешься обратно, здесь уже начнется потеха.

Зверобой сел за весла очень неохотно и с тяжелым сердцем. Однако он слишком хорошо знал нравы пограничных жителей и не пытался урезонивать их. Впрочем, в тех условиях это было бы не только бесполезно, но даже опасно. Итак, он молча и с прежними предосторожностями вернулся на середину зеркального водного пространства и там опустил третью пирогу, которая под легким дуновением южного ветерка начала дрейфовать к «замку». Как и раньше, это было сделано в твердой уверенности, что до наступления дня ветер отнесет легкие судна не больше чем на одну-две мили и поймать их будет нетрудно. А чтобы какой-нибудь бродяга-дикарь не завладел этими пирогами, добравшись до них вплавь, – что было возможно, хотя и не очень вероятно, – все весла были предварительно убраны.

Пустив порожнюю пирогу по течению, Зверобой повернул свою лодку к мысу, на который указал ему Непоседа. Крохотное суденышко двигалось так легко, и опытная рука гребла с такой силой, что не прошло и десяти минут, как охотник снова приблизился к земле, проплыв за это короткое время не менее полумили. Лишь только его глаза различили в темноте заросли колыхавшихся тростников, которые тянулись в ста футах от берега, он остановил пирогу. Здесь

он и остался, ухватившись за гибкий, но прочный стебель тростника, поджидая с легко понятным волнением исхода рискованного предприятия, затеянного его товарищами.

Как мы уже говорили, Зверобой впервые в жизни попал на озеро. Раньше ему приходилось видеть лишь реки и небольшие ручьи, и никогда еще столь обширное пространство лесной пустыни, которую он так любил, не расстилось перед его взором. Однако, привыкнув к жизни в лесу, он догадывался о всех скрытых в нем тайнах, глядя на лиственный покров. К тому же он впервые участвовал в деле, от которого зависели человеческие жизни. Он часто слышал рассказы о пограничных войнах, но еще никогда не встречался с врагами лицом к лицу.

Итак, читатель легко представит себе, с каким напряжением молодой человек в своей одинокой пирогe старался уловить малейший шорох, по которому он мог судить, что творится на берегу. Зверобой прошел превосходную предварительную подготовку, и, несмотря на волнение, естественное для новичка, его выдержка сделала бы честь престарелому воину. С того места, где он находился, нельзя было заметить ни лагеря, ни костра. Зверобой вынужден был руководствоваться исключительно слухом. Один раз ему показалось, что где-то раздался треск сухих сучьев, но напряженное внимание, с которым он прислушивался, могло обмануть его.

Так, в томительном ожидании, минута бежала за минутой. Прошел уже целый час, а все было по-прежнему тихо. Зверобой не знал, радоваться или печалиться такому промедлению; оно, по-видимому, сулило безопасность его спутникам, но в то же время грозило гибелью существам слабым и невинным.

Наконец, часа через полтора после того, как Зверобой расстался со своими товарищами, до слуха его долетел звук, вызвавший у него досаду и удивление. Дрожащий крик гагары раздался на противоположном берегу озера, очевидно, неподалеку от истока. Нетрудно было распознать голос этой птицы, знакомый всякому, кто плавал по американским озерам. Пронзительный, прерывистый, громкий и довольно продолжительный, этот крик как будто предупреждает о чем-то. В отличие от голосов других пернатых обитателей пустыни, его довольно часто можно слышать по ночам. И именно поэтому Непоседа избрал его в качестве сигнала. Конечно, прошло столько времени, что оба искателя приключений давно уже могли добраться по берегу до того места, откуда донесся условный зов. И все же юноше это показалось странным. Если бы в лагере никого не было, они велели бы Зверобоя подплыть к берегу. Если же там оказались люди, то какой смысл пускаться в такой далекий обход лишь для того, чтобы сесть в пирогу!

Что же делать дальше? Если он послушается сигнала и отплывет так далеко от места первоначальной высадки, жизнь людей, которые рассчитывают на него, может оказаться в опасности. А если он не откликнется на этот призыв, то последствия могут оказаться в равной степени губительными. Полный нерешимости, он ждал, надеясь, что крик гагары, настоящий или подделанный, снова повторится. Он не ошибся. Несколько минут спустя пронзительный и тревожный призыв опять прозвучал в той же части озера. На этот раз Зверобой был начеку, и слух вряд ли обманывал его. Ему часто приходилось слышать изумительно искусные подражания голосу гагары, и сам он умел воспроизводить эти вибрирующие ноты, тем не менее юноша был совершенно уверен, что Непоседа никогда не сумеет так удачно следовать природе. Итак, он решил не обращать внимания на этот крик и подождать другого, менее совершенного, который должен был прозвучать где-нибудь гораздо ближе.

Едва успел Зверобой прийти к этому решению, как глубокая ночная тишина была нарушена воплем, таким жутким, что он прогнал всякое воспоминание о заунывном крике гагары. То был вопль агонии; кричала женщина или же мальчик-подросток. Этот зов не мог обмануть. В нем слышались и предсмертные муки, и леденящий душу страх.

Молодой человек выпустил из рук тростник и погрузил весла в воду. Но он не знал, что делать, куда направить пирогу. Впрочем, нерешительность его тотчас же исчезла. Совершенно отчетливо раздался треск ветвей, потом хруст сучьев и топот ног. Звуки эти, видимо,

приближались к берегу несколько севернее того места, возле которого Зверобой велено было держаться. Следуя этому указанию, молодой человек погнал пирогу вперед, уже не обращая внимания на то, что его могут заметить. Он вскоре добрался туда, где высокие берега почти отвесно поднимались вверх.

Какие-то люди, очевидно, пробирались сквозь кусты и деревья. Они бежали вдоль берега, должно быть отыскивая удобное место для спуска. В этот миг пять или шесть ружей выпалили одновременно, и, как всегда, холмы на противоположном берегу ответили гулким эхом. Затем раздались крики: они вырываются при неожиданном испуге или боли даже у самых отчаянных храбрецов. В кустах началась возня – очевидно, там двое вступили в рукопашную.

– Скользкий, дьявол! – яростно воскликнул Непоседа. – У него кожа намазана салом. Я не могу схватить его. Ну так вот, получай за свою хитрость!

При этих словах что-то тяжелое упало на мелкие кустарники, растущие на берегу, и Зверобой понял, что его товарищ-великан отшвырнул от себя врага самым бесцеремонным способом. Потом юноша увидел, как кто-то появился на склоне холма и, пробежав несколько ярдов вниз, с шумом бросился в воду. Очевидно, человек заметил пирогу, которая в этот решительный момент находилась уже недалеко от берега. Чувствуя, что если он встретит когда-нибудь своих товарищей, то здесь или нигде. Зверобой погнал лодку вперед, на выручку. Но не успел он сделать и двух взмахов весла, как послышался голос Непоседы и раздались страшнейшие ругательства; это Непоседа скатился на узкую полоску берега, буквально облепленный со всех сторон индейцами. Уже лежа на земле и почти задушенный своими врагами, силач издал крик гагары, и так неумело, что при менее опасных обстоятельствах это могло бы вызвать смех. Человек, спустившийся в воду, казалось, устыдился своего малодушия и повернул обратно к берегу, на помощь товарищу, но шесть новых преследователей, которые тут же прыгнули на прибрежный песок, набросились на него и тотчас же скрутили.

– Пустите, размалеванные гадины, пустите! – кричал Непоседа, попавший в слишком серьезную переделку, чтобы выбирать свои выражения. – Мало того, что я свалился, как подпиленное дерево, так вы еще душите меня!

Зверобой понял из этих слов, что друзья его взяты в плен и что выйти на берег – значит разделить их участь. Он находился не далее ста футов³⁶ от берега. Несколько своевременных взмахов веслом в шесть или восемь раз увеличили расстояние, отделявшее его от неприятеля. Зверобой не смог бы отступить так безнаказанно, если бы индейцы, на его счастье, не побросали свои ружья во время преследования; впрочем, в разгаре схватки никто из них не заметил пироги.

– Держись подальше от берега, парень! – крикнул Хаттер. – Девочкам теперь не на кого рассчитывать, кроме тебя. Понадобится вся твоя ловкость, чтобы спастись от этих дикарей. Плыви! И пусть бог поможет тебе, как ты поможешь моим детям.

Между Хаттером и молодым человеком не было особой симпатии, но физическая и душевная боль, прозвучавшая в этом крике, в один миг заставила Зверобоя позабыть о неприятных качествах старика. Он видел только страдающего отца и решил немедленно дать торжественное обещание позаботиться об его интересах и, разумеется, сдержать свое слово.

– Не горюйте, Хаттер! – крикнул он. – Я позабочусь о ваших девочках и о замке. Неприятель захватил берег, этого отрицать нельзя, но он еще не захватил воду. Никто не знает, что с нами случится, но я сделаю все, что могу.

– Эх, Зверобой, – подхватил Непоседа громовым голосом, потерявшим, впрочем, обычную веселость, – эх, Зверобой, намерения у тебя благие, но что ты можешь сделать? Даже в лучшие времена от тебя было немного проку, и такой человек, как ты, вряд ли совершит чудо. Здесь, на берегу, по крайней мере четыре десятка дикарей, и с таким войском тебе не

³⁶ То есть тридцать метров.

управиться. По-моему, лучше возвращайся прямо к замку, посади девчонок в пирогу, захвати немного провизии и плыви от того уголка озера, где мы были, прямо на Мохок. В течение ближайших часов эти черти не будут знать, где искать тебя, а если и догадаются, им придется бежать вокруг озера, чтобы добраться до тебя. Таково мое мнение, и если старый Том хочет составить завещание и выразить последнюю волю в пользу своих дочек, то он должен сказать то же самое.

– Не делай этого, молодой человек, – возразил Хаттер. – Неприятель повсюду разослал разведчиков на поиски пирога, тебя сразу увидят и возьмут в плен. Отсиживайся в замке и ни под каким видом не приближайся к земле. Продержись только одну неделю, и солдаты из форта прогонят дикарей...

– Не пройдет и двадцати четырех часов, старик, как эти лисицы уже поплывут на плотках штурмовать твой замок! – перебил Непоседа с такой запальчивостью, какую вряд ли можно было ожидать от человека, взятого в плен и связанного так, что на свободе у него остался только язык. – Совет твой звучит разумно, но приведет к беде. Если бы мы с тобой остались дома, пожалуй, еще можно было продержаться несколько дней. Но вспомни, что этот парень до сегодняшнего вечера никогда не видел врага, и ты сам говорил, что он неженка, которому следовало б жить в городе. Хотя я думаю, что в городах и в наших поселениях совесть у людей не лучше, чем в лесу... Зверобой, дикари знаками приказывают мне подозвать тебя поближе вместе с твоей пирогой, но это не пройдет. Что касается меня и старого Тома, то никто, кроме самого дьявола, не знает, снимут ли они с нас скальпы сегодня ночью или пощадят, чтобы сжечь на костре завтра, или же уведут в Канаду. У меня такая здоровенная косматая шевелюра, что дикари, вероятно, захотят сделать из нее два скальпа. Премии – вещь соблазнительная, иначе мы со старым Томом не попали бы в беду... Ага, они снова делают мне знаки, но, если я посоветую тебе плыть к берегу, пусть они не только зажарят, но и съедят меня. Нет, нет, Зверобой, держись подальше, а когда рассветет, ни в коем случае не подплывай к берегу ближе чем на двести ярдов...

Восклицание Непоседы было прервано чьей-то рукой, грубо ударившей его по губам; какой-то индеец, очевидно, немного понимал по-английски и наконец догадался, к чему ведут все эти речи. Потом все дикари скрылись в лесу, а Хаттер и Непоседа, видимо, не оказывали никакого сопротивления. Однако, когда треск ветвей стих, снова послышался голос отца.

«Береги моих детей, и да поможет бог тебе, молодой человек!» – были последние слова, долетевшие до ушей Зверобоя.

Он остался один и понял, что ему придется самому решать, как действовать дальше.

Несколько минут прошло в мертвом молчании. До берега было более двухсот ярдов, и в ночной темноте Зверобой едва-едва различал фигуры дикарей, но даже их смутные очертания несколько оживляли пейзаж и служили контрастом наступившему затем полному одиночеству. Молодой человек вытянулся вперед, затаил дыхание и весь превратился в слух, но до него не донеслось больше ни единого звука, говорящего о близости человека. Казалось, никто никогда не нарушал царившую кругом тишину; в этот миг даже страшный вопль, недавно огласивший молчание лесов, или проклятия Марча были бы утешением для охотника. Им овладело чувство полной заброшенности.

Однако человек с таким душевным и физическим складом, как Зверобой, не мог долго оставаться в оцепенении. Погрузив весло в воду, он повернул пирогу и медленно, в глубокой задумчивости направился к центру озера. Достигнув места, где он пустил по течению вторую пирогу, найденную в лесу, Зверобой круто повернул к северу, стараясь, чтобы легкий ветерок дул ему в спину. Пройдя на веслах около четверти мили в эту сторону, он заметил немного справа от себя какой-то темный предмет и, сделав поворот, привязал плававшую в воде пирогу к своему суденышку. Затем Зверобой посмотрел на небо, определил направление ветра и выяс-

нил положение обеих пирог. Не заметив нигде ничего, что могло бы заставить его изменить свои планы, он лег и решил несколько часов поспать.

Хотя люди смелые и сильно утомленные спят крепко даже среди опасностей, прошло немало времени, прежде чем Зверобою удалось забыться. События этой ночи были еще свежи в его памяти, и, не переставая в полузабытии думать о них, он словно грезил наяву. Внезапно он совсем пробудился: ему почудилось, будто Непоседа дает сигнал подойти к берегу. Но снова все стало тихо, как в могиле. Пирога медленно дрейфовала к северу, задумчивые звезды в кротком величии мерцали на небе, и водная ширь, со всех сторон окаймленная лесом, покоилась между горами так тихо и печально, как будто ее никогда не волновали ветры и не озаряло полуденное солнце. Прозвучал еще раз дрожащий крик гагары, и Зверобой понял, что заставило его внезапно проснуться. Он поправил свое жесткое изголовье, вытянулся на дне пироги и уснул.

Глава VII

*О, мой Леман³⁷! Как вод зеркальных тишь
На бурю жизни мрачной непохожа!
Ты так спокоен, нежен. Ты молчишь,
Стремя поток под синей гладью ложа.
Летит мой челн в молчанье, – отчего же?
Ты – не прибоя гул меж серых скал,
Чаруешь ты своею милой песнью, —
На голос ты сестры похож прелестный.
Бежал я, но остаться бы мечтал.*

Байрон³⁸

Уже совсем рассвело, когда молодой человек снова открыл глаза. Он тотчас же вскочил и огляделся по сторонам, понимая, как важно ему поскорее уяснить себе свое положение. Сон его был глубок и спокоен; он проснулся со свежей головой и ясными мыслями, что было необходимо при сложившихся обстоятельствах. Правда, солнце еще не взошло, но небесный свод отливал нежными красками, которые знаменуют начало и конец дня, в воздухе все звенело от птичьего щебета. Этот утренний гимн пернатого племени предупредил Зверобоя о грозившей ему опасности.

Легкий, едва заметный ветерок за ночь немного усилился, а так как пироги двигались на воде словно перышки, то и отплыли вдвое дальше, чем рассчитывал охотник. Совсем невдалеке виднелось подножие горы, круто вздымавшейся на восточном берегу, и Зверобой уже явственно слышал пение птиц. Но это было не самое худшее. Третья пирога дрейфовала в том же направлении и теперь медленно подплывала к мысу; еще немного – и она уткнулась бы носом в берег. Лишь внезапная перемена ветра или человеческая рука могли бы отогнать ее от берега. Кроме этого, не было ничего тревожного. «Замок» по-прежнему возвышался на своих сваях приблизительно на одной линии с пирогами, и ковчег, пришвартованный к столбам, покачивался на воде там же, где его оставили несколько часов назад.

Понятно, что прежде всего Зверобой занялся передней пирогой, которая была уже почти у самого мыса. Взмахнув несколько раз веслом, охотник увидел, что судно коснется берега раньше, чем он сможет его нагнать. Как раз в эту минуту ветер совсем некстати вдруг посвежел, и легкая лодочка еще быстрее понеслась к суше. Понимая, что ему не догнать ее, молодой человек благоразумно решил не тратить понапрасну сил. Осмотрев затравку своего ружья и повернув предварительно свою пирогу таким образом, чтобы в нее можно было целить только с одной стороны, Зверобой медленно греб по направлению к мысу.

Передняя пирога, никем не управляемая, продолжала плыть вперед и наскочила на небольшой подводный камень в трех или четырех ярдах от берега. Как раз в этот момент Зверобой поравнялся с мысом и повернул к нему нос своей лодки. Желая сохранить при этом полную свободу движений, юноша отвязал ту пирогу, которая шла на буксире. Передняя пирога на одну секунду застряла на камне. Затем накатилась незаметная глазу волна, суденышко поплыло вновь и уткнулось в прибрежный песок.

Молодой человек все это заметил, но пульс его не участился и движения рук были по-прежнему спокойны. Если кто-нибудь притаился на берегу, подстерегая пирогу, то следовало

³⁷ Л е м а н – женеvское озеро а Швейцарии.

³⁸ Перевод Н. Сидемон-Эристави.

очень осторожно подвигаться вперед, если же в засаде никто не сидел, то не к чему было и торопиться. Мыс тянулся как раз против индейской стоянки, расположившейся на другом берегу озера. Быть может, там не было ни души, но следовало приготовиться к худшему, потому что индейцы, наверное, разослали, по своему обычаю, лазутчиков, чтобы добыть лодку, которая могла бы доставить их к «замку». Достаточно было одного взгляда на озеро с любой окрестной возвышенности, чтобы увидеть самый мелкий предмет на его поверхности, и вряд ли можно было надеяться, что пироги останутся незамеченными. Любой индеец по направлению ветра умел определять, в какую сторону поплывет пирога или бревно.

По мере того как Зверобой приближался к земле, он греб все медленнее и медленнее, весь превратившись в слух и зрение, чтобы вовремя заметить угрожающую опасность. Для новичка это была трудная минута. Ведь робкие люди становятся смелее, если знают, что за ними следят друзья. Зверобой не подбадривало даже и это. Он был совершенно один, представлен лишь своим силам, и ничей дружеский голос не придавал ему храбрости. Несмотря на это, самый опытный ветеран лесных войн не мог бы действовать лучше. Молодой охотник не проявил в данном случае ни безрассудной лихости, ни малодушных колебаний. Он подвигался вперед обдуманно и осторожно, устремив все свое внимание лишь на то, что могло способствовать достижению намеченной цели. Так началась военная карьера этого человека, впоследствии прославившегося в своем кругу не меньше, чем многие герои, имена которых украшают страницы произведений гораздо более знаменитых, чем наша простая повесть.

Очутившись приблизительно в сотне ярдов от суши, Зверобой встал во весь рост, несколько раз взмахнул веслом с такой силой, что суденышко ударилось о берег, и затем, быстро бросив орудие гребли, схватился за орудие войны. Он уже поднимал свой карабин, когда громкий выстрел, сопровождавшийся свистом пули, которая пролетела над головой юноши, заставил его невольно отпрянуть назад. В следующее мгновение охотник зашатался и упал на дно пироги. Тотчас же раздался пронзительный вопль, и на открытую лужайку у мыса выскочил из кустов индеец, бежавший прямо к пироге. Молодой человек только этого и ждал. Он снова поднялся и навел ружье на врага. Но Зверобой заколебался, прежде чем спустить курок. Эта маленькая проволочка спасла жизнь индейцу; он умчался обратно под прикрытие с таким же проворством, с каким раньше выскочил оттуда. Тем временем Зверобой быстро приближался к земле, и его пирога подошла к мысу как раз в ту минуту, когда скрылся враг. Никто не управлял судном, и оно пристало к берегу в нескольких ярдах от второй пироги. Индеец, вероятно, еще не успел зарядить ружье, однако у Зверобоя было слишком мало времени, чтобы захватить желанную добычу и отвести ее на безопасное расстояние, прежде чем последует еще один выстрел. Поэтому охотник, не теряя даром времени, бросился в лес и стал под прикрытие.

На самом конце мыса была небольшая лужайка; местами она поросла травой, местами была засыпана прибрежным песком. Лишь с одной стороны ее окаймляла густая бахрома кустов. Миновав этот узкий пояс карликовой растительности, вы сразу же попадали под высокие и угрюмые своды леса. На протяжении нескольких сот ярдов тянулся ровный пологий берег, за которым поднималась крутая гора. Высокие толстые деревья, у подножия которых не рос кустарник, напоминали огромные, неправильно размещенные колонны, поддерживающие лиственный свод. Хотя для своего возраста и своих размеров они стояли довольно тесно друг подле друга, все же между ними оставались порядочные просветы, так что при достаточной зоркости и сноровке можно было без труда разглядеть даже людей, стоявших под прикрытием.

Зверобой знал, что его враг теперь заряжает свое ружье, если он только не пустился наутек. Это предположение подтвердилось: не успел молодой человек встать за дерево, как увидел мельком руку индейца, который забивал пулю в дуло своего ружья, спрятавшись за большим дубом. Проще всего было бы ринуться вперед и на месте покончить с врагом, застигнутым врасплох, но совесть Зверобоя возмутилась при мысли о таком поступке, несмотря на то что его самого только что чуть не подстрелили из засады. Он еще не привык к беспощадным при-

емам войны с дикарями, о которых знал лишь понаслышке, и ему казалось неблагородным напасть на безоружного врага. Лицо его покраснело, брови нахмурились, губы сжались – он собрал все свои силы, но, вместо того чтобы поскорее выстрелить, взял ружье наизготовку и, не отдавая сам себе отчета в своих словах, пробормотал:

– Нет, нет! Пусть краснокожий язычник зарядит свое ружье, и тогда мы посмотрим. Но пироги он не получит!

Индеец был так поглощен своим занятием, что даже не заметил присутствия врага. Он только боялся, как бы кто-нибудь не захватил пирогу и не увел от берега прежде, чем ему удастся помешать этому. Индеец стоял всего в нескольких футах от кустов и, приготовившись к выстрелу, в один миг мог очутиться на опушке. Противник находился в пятидесяти ярдах от него, а деревья, кроме тех двух, за которыми прятались сражающиеся, были расположены таким образом, что не закрывали поля зрения.

Зарядив наконец ружье, дикарь огляделся по сторонам и пошел вперед, ловко укрываясь от предполагаемой позиции своего врага, но очень неловко от действительной опасности. Тогда Зверобой тоже выступил из-за прикрытия и окликнул его:

– Сюда, краснокожий, сюда, если ты ищешь меня! Я еще не очень опытен в военном деле, но все же не настолько, чтобы остаться на открытом берегу, где меня можно подстрелить, как сову при дневном свете. От тебя одного зависит, быть между нами миру или войне, потому что я не из тех, кто считает подвигом убивать людей в одиночку в лесу.

Индеец удивился, так внезапно заметив угрожавшую ему опасность. Однако он знал немного английский язык и понял общий смысл сказанных ему слов. К тому же он был слишком хорошо вышколен, чтобы обнаружить свой испуг. Он опустил с доверчивым видом приклад ружья и сделал рукой приветственный жест. При этом он не потерял самообладания, подобающего человеку, который считает себя выше всех. Но вулкан, бушевавший в его груди, заставлял глаза его сверкать и ноздри раздуваться, подобно ноздрям хищного зверя, которому неожиданно помешали сделать роковой прыжок.

– Две пироги, – сказал он низким горловым голосом, свойственным людям его расы, и вытянул вперед два пальца во избежание всякой ошибки, – одна мне, другая тебе.

– Нет, нет, минг, это не выйдет! Пироги тебе не принадлежат, и ты не получишь ни одной, пока это зависит от меня. Я знаю, теперь идет война между твоим и моим народом, но это еще не значит, что люди должны убивать друг друга, как дикие звери, встретившиеся в лесу. Ступай своей дорогой, а я пойду моей. Земля достаточно обширна для нас обоих, а если мы встретимся в честном бою, тогда пусть сам бог решает, кому жить, а кому умереть.

– Хорошо! – воскликнул индеец. – Мой брат миссионер. Много говорит. Все о Маниту³⁹.

– Нет, нет, воин. Я недостаточно хорош для моравских братьев. Я вряд ли гожусь, для того чтобы читать в лесу проповеди разным бродягам. Нет, нет, в мирное время я только охотник, хотя при случае мне, может быть, придется сразить одного из твоих соплеменников. Только я предпочел бы сделать это в честном бою, а не ссорясь из-за какой-то жалкой пироги.

– Хорошо! Мой брат молод, но очень мудр. Плохой воин, но хорошо говорит. Вождь в совете.

– Ну, этого я не скажу, – возразил Зверобой, слегка покраснев от плохо скрытой насмешки в словах индейца. – Мне хотелось бы провести свою жизнь в лесу, и провести ее мирно. Все молодые люди должны идти по тропе войны, когда для этого представляется случай, но одно дело война, другое – бессмысленная резня. Сегодня ночью я убедился, что провидение осуждает бесполезное убийство. Поэтому я предлагаю тебе идти твоей дорогой, а я пойду моей, и, надеюсь, мы разойдемся друзьями.

³⁹ М а н и т у – имя таинственной колдовской силы, в которую верили некоторые индейцы. Так же назывались духи-покровители, которым поклонялись индейские племена.

– Хорошо! У моего брата два скальпа – седые волосы под черными. Мудрость старика, язык юноши.

Тут дикарь приблизился, протянув с улыбкой руку и всем своим видом выражая дружелюбие и уважение. Оба обменялись рукопожатиями, уверяя друг друга в своей искренности и в желании заключить мир.

– Каждому свое, – сказал индеец, – моя пирога мне, твоя пирога тебе. Пойдем посмотрим: если она твоя, бери ее; если она моя, я возьму.

– Будь по-твоему, краснокожий. Хотя ты ошибаешься, говоря, что пирога принадлежит тебе. Но за показ денег не берут. Пойдем на берег, и убедись собственными глазами, если не веришь мне.

Индеец снова воскликнул: «Хорошо!» – и они зашагали рядом по направлению к берегу. Никто из них не выказывал ни малейшего опасения, и индеец шел впереди, как бы желая доказать своему новому знакомому, что не боится повернуться к нему спиной. Когда они выбрались на открытое место, дикарь указал на пирогу Зверобоя и произнес выразительно:

– Не моя – бледнолицего пирога. Та – краснокожего. Не хочу чужой пирога, хочу свою.

– Ты ошибаешься, краснокожий, ты жестоко ошибаешься. Пирогу оставил в тайнике старик Хаттер, и она принадлежит ему по всем законам, белым или красным. Взгляни на эти скамьи для сиденья – они говорят за себя. Это неиндейская работа.

– Хорошо, Мой брат еще не стар, но очень мудр. Индейцы таких не делают. Работа белых людей.

– Очень рад, что ты согласен, а то нам бы пришлось поссориться. А теперь каждому свое, и я сейчас же уберу пирогу подальше, чтобы прекратить спор.

С этими словами Зверобой поставил ногу на борт легкой лодки и сильным толчком отогнал ее в озеро футов на сто или более, где, подхваченная течением, она неминуемо должна была обогнуть мыс, не подходя к берегу. Дикарь вздрогнул, увидя это решительное движение. Зверобой заметил, как индеец бросил быстрый, но свирепый взгляд на другую пирогу, в которой лежали весла. Лицо краснокожего, впрочем, изменилось лишь на секунду. Ирокез снова принял дружелюбный вид и приятно осклабился.

– Хорошо, – повторил он еще более выразительно. – Молодая голова, старый ум. Знает, как кончать споры. Прощай, брат. Плыви в свой водяной дом, в Гнездо Водяной Крысы. Индеец пойдет в свой лагерь, скажет вождям: не нашел пироги.

Зверобой с удовольствием выслушал это предложение, так как ему не терпелось поскорее вернуться к девушкам, и он добродушно пожал руку, протянутую индейцем. По-видимому, они расстались друзьями, и в то время как краснокожий спокойно пошел обратно в лес, неся ружье под мышкой и ни разу не оглянувшись, бледнолицый направился к пироге. Свое ружье он нес столь же мирным образом, но не переставал следить за каждым движением индейца. Впрочем, подобная недоверчивость вскоре показалась ему неуместной, и, как бы устыдившись, молодой человек отвернулся и беззаботно шагнул в лодку. Здесь он начал готовиться к отплытию. Так прошло около минуты, когда, случайно обернувшись, он своим быстрым и безошибочным взглядом заметил страшную опасность, грозившую его жизни. Черные свирепые глаза дикаря, как глаза притаившегося тигра, смотрели на него сквозь небольшой просвет в кустах. Ружейная мушка уже опустилась на один уровень с головой юноши.

Тут богатый охотничий опыт Зверобоя оказал ему хорошую услугу. Привыкнув стрелять в оленей на бегу, когда действительное положение тела животного приходится определять скорее по догадке, чем на глаз, Зверобой воспользовался теперь тем же приемом. В одно мгновение он поднял карабин, взвел курок и, почти не целясь, выстрелил в кусты, где, как он знал, должен был находиться индеец и откуда видна была лишь его страшная физиономия. Поднять ружье немного выше или прицелиться более тщательно не было времени. Он проделал это так

быстро, что противники разрядили свои ружья в один и тот же момент, и грохот двух выстрелов слился в один звук. Горы послали в ответ одно общее эхо.

Зверобой опустил ружье и, высоко подняв голову, стоял твердо, как сосна в безветренное июньское утро, тогда как краснокожий испустил пронзительный вой, выскочил из-за кустов и побежал через лужайку, потрясая томагавком. Зверобой все еще стоял с разряженным ружьем у плеча, и лишь по охотничьей привычке рука его машинально нащупывала роговую пороховницу и шомпол. Подбежав к врагу футов на сорок, дикарь швырнул в него свой топор. Но взор минга уже затуманился, рука ослабела и дрожала; молодой человек без труда поймал за рукоятку пролетающий мимо томагавк. В эту минуту индеец зашатался и рухнул на землю, вытянувшись во весь рост.

– Я знал это, я это знал! – воскликнул Зверобой, уже готовясь загнать новую пулю в дуло своего карабина. – Я знал, что этим кончится, когда поймал взгляд этой твари. Человек сразу все замечает и стреляет очень проворно, когда опасность грозит его жизни. Да, я знал, что этим кончится. Я опередил его на одну сотую долю секунды, иначе мне пришлось бы плохо. Пуля пролетела как раз мимо моего бока. Говорите, что хотите, но краснокожий совсем не так ловко обращается с порохом и пулей, как бледнолицый. Видно, нет у них к этому прирожденной способности. Даже Чингачгук хоть и ловок, но из карабина не всегда бьет наверняка.

Говоря это, Зверобой зарядил ружье и швырнул томагавк в пирог. Приблизившись к своей жертве, он в печальной задумчивости стоял над ней, опершись на карабин. В первый раз ему пришлось видеть человека, павшего в бою, и это был первый ближний, на которого он поднимал руку. Ощущение было совершенно новым для него, и к торжеству примешивалась жалость. Индеец еще не умер, хотя пуля насквозь прострелила его тело. Он неподвижно лежал на спине, но глаза его наблюдали за каждым движением победителя, как глаза пойманной птицы за движением птицелова. Он, вероятно, ожидал, что враг нанесет ему последний удар, перед тем как снять скальп, или, быть может, боялся, что это жестокое дело совершится еще прежде, чем он испустит дух. Зверобой угадал его мысли и с печальным удовлетворением поспешил успокоить беспомощного дикаря.

– Нет, нет, краснокожий, – сказал он, – тебе больше нечего бояться. Снимать скальпы не в моем обычае. Я сейчас подберу твой карабин, а потом вернусь и сделаю для тебя все, что могу. Впрочем, мне нельзя здесь слишком долго задерживаться: три выстрела подряд, пожалуй, привлекут сюда кого-нибудь из ваших чертей.

Последние слова молодой человек произнес про себя, разыскивая в это время ружье, которое нашел там, где хозяин его бросил.

Зверобой отнес в пирог ружье индейца и свой карабин, а потом вернулся к умирающему.

– Всякая вражда между нами кончена, краснокожий, – сказал он. – Ты можешь не беспокоиться насчет скальпа и прочих жестокостей. Надеюсь, я сумею вести себя, как подобает белому.

Если бы взгляд мог полностью выражать мысли человека, то, вероятно, невинное тщеславие Зверобоя и его бахвальство своим цветом кожи получили бы маленький щелчок, но он прочитал в глазах умирающего дикаря лишь благодарность и не заметил горькой насмешки, которая боролась с более благородным чувством.

– Воды! – воскликнул несчастный. – Дай бедному индейцу воды!

– Ну, воды ты получишь сколько угодно, хоть выпей досуха все озеро. Я сейчас отнесу тебя туда. Мне так и рассказывали о раненых: вода для них величайшее утешение и отрада.

Сказав это, Зверобой поднял индейца на руки и отнес к озеру. Здесь он прежде всего помог ему утолить палящую жажду, потом сел на камень, положил голову раненого противника к себе на колени и постарался, как умел, облегчить его страдания.

– Грешно было бы с моей стороны не сказать, что пришло твое время, воин, – начал он. – Ты уже достиг средних лет и при твоём образе жизни, наверное, натворил немало. Надо

подумать о том, что ждет тебя впереди. Краснокожие, как и белые, в большинстве случаев не думают успокоиться в вечном сне, и те и другие собираются жить в ином мире. Каждого из нас будут судить на том свете по его делам. Я полагаю, ты знаешь об этом довольно и не нуждаешься в проповедях. Ты попадешь в леса, богатые дичью, если был справедливым индейцем, а если нет, то будешь изгнан в пустыню. У меня несколько иные понятия на этот счет. Но ты слишком стар и опытен, чтобы нуждаться в поучениях такого юнца, как я.

– Хорошо! – пробормотал индеец. Голос его сохранил свою силу, хотя жизнь его уже клонилась к закату. – Молодая голова, старая мудрость.

– Когда наступает конец, нам порой утешительно бывает знать, что люди, которых мы обидели или пытались обидеть, прощают нас. Ну так вот, я совершенно позабыл, что ты покушался на мою жизнь: во-первых, потому, что ты не причинил мне никакого вреда; во-вторых, потому, что ничему другому тебя не учили и мне совсем не следовало бы тебе верить, и, наконец, самое главное, потому, что я не могу таить зло против умирающего, все равно – язычник он или христианин. Итак, успокойся, поскольку речь идет обо мне, а что касается всего прочего, то об этом ты знаешь лучше, чем я.

Подобно большинству людей своего племени и подобно многим из нас, умирающий больше думал об одобрении тех, кого он собирался покинуть, чем об участии, поджидавшей его за могилой. И, когда Зверобой замолчал, индеец пожалел, что никто из соплеменников не видит, с какой твердостью переносит он телесные муки и встречает свой конец. С утонченной вежливостью, которая так часто бывает свойственна индейскому воину, пока его не испортило общение с наихудшей разновидностью белых людей, он постарался выразить свою благодарность.

– Хорошо, – повторил он, ибо это английское слово чаще других употребляется индейцами – хорошо, молодая голова и молодое сердце. Хотя и старое сердце не проливает слез. Послушай индейца, когда он умирает и не имеет нужды лгать. Как тебя зовут?

– Теперь я ношу имя Зверобой, хотя делавары говорили, что когда я вернусь обратно с военной тропы, то получу более почетное прозвище, если его заслужу.

– Это хорошее имя для мальчика – плохое имя для воина. Ты скоро получишь лучшее. Не бойся! – в своем возбуждении индеец нашел в себе достаточно сил, чтобы поднять руку и похлопать молодого человека по груди – Верный глаз, палец-молния, прицел-смерть... Скоро – великий воин... Не Зверобой – Соколиный Глаз... Соколиный Глаз... Соколиный Глаз... Пожму руку!..

Зверобой, или Соколиный Глаз, как впервые назвал его индеец (впоследствии это прозвище утвердилось за ним), взял руку дикаря, который испустил последний вздох, с восхищением глядя на незнакомца, проявившего столько проворства, ловкости и твердости в таком затруднительном и новом для него положении.

– Его дух отлетел, – сказал Зверобой тихим и грустным голосом. – Горе мне! Со всеми нами это случится рано или поздно, и счастлив тот, кто независимо от цвета своей кожи достойно встречает этот миг! Здесь лежит тело храброго воина, а его душа уже улетела на небеса, или в ад, или в леса, богатые дичью. Старик Хаттер и Гарри Непоседа попали в беду; им угрожают, быть может, пытки или смерть – и все ради той награды, которую случай предлагает мне, по-видимому, самым законным и благородным образом. По крайней мере, очень многие именно так рассуждали бы на моем месте. Но нет! Ни одного гроша этих денег не пройдет через мои руки. Белым человеком я родился и белым умру, хотя его королевское величество, его губернаторы и советники в колониях забывают ради мелких выгод, к чему обязывает их цвет кожи. Нет, нет, воин, моя рука не прикоснется к твоему скальпу, и твоя душа в пристойном виде может появиться в стране духов.

Сказав это, Зверобой поднялся на ноги. Затем он прислонил мертвеца спиной к небольшому камню и вообще постарался придать ему позу, которая не могла показаться неприличной

очень щепетильным на этот счет индейцам. Исполнив этот долг, молодой человек остановился, рассматривая в грустной задумчивости угрюмое лицо своего павшего врага. Привыкнув жить в полном одиночестве, он опять начал выражать вслух волновавшие его мысли и чувства.

– Я не покушался на твою жизнь, краснокожий, – сказал он, – но у меня не было другого выбора: или убить тебя, или быть убитым самому. Каждый из нас действовал сообразно своим обычаям, и никого не нужно осуждать. Ты действовал предательски, потому что такова уж у вас повадка на войне, а я был опрометчив, потому что слишком легко верю людям. Ладно, это моя первая, хотя, по всей вероятности, не последняя стычка с человеком. Я сражался почти со всеми зверями, живущими в лесу с медведями, волками, пантерами, – а теперь вот пришлось начать и с людьми. Будь я прирожденный индеец, я мог бы рассказать об этой битве или принести скальп и похвастаться своим подвигом в присутствии целого племени. Если бы врагом был всего-навсего медведь, было бы естественно и прилично рассказывать всем и каждому о том, что случилось. А теперь, право, не знаю, как сказать об этом даже Чингачгуку, чтобы не получилось, будто я бахвалюсь. Да и чем мне, в сущности, бахвалиться? Неужели тем, что я убил человека, хотя это и дикарь? И, однако, мне хочется, чтобы Чингачгук знал, что я не опозорил делаваров, воспитавших меня.

Монолог Зверобой был внезапно прерван: на берегу озера, в ста ярдах от мыса, появился другой индеец. Очевидно, это тоже был разведчик: привлеченный выстрелами, он вышел из лесу, не соблюдая необходимых предосторожностей, и Зверобой увидел его первым. Секунду спустя, заметив охотника, индеец испустил пронзительный крик. Со всех сторон горного склона откликнулась дюжина громких голосов. Медлить было нельзя; через минуту лодка понеслась от берега, подгоняемая сильными и твердыми ударами весла.

Отплыв на безопасное расстояние, Зверобой перестал грести и пустил лодку по течению, а сам начал оглядываться по сторонам. Пирога, которую он отпустил с самого начала, дрейфовала в четверти мили от него и гораздо ближе к берегу, чем это было желательно теперь, когда по соседству оказались индейцы. Другая пирога, та, что пристала к мысу, тоже находилась всего в нескольких ярдах от него. Мертвый индеец в сумрачном спокойствии сидел на прежнем месте; воин, показавшийся из лесу, уже исчез, и лесная чаща снова была безмолвна и пустынна. Эта глубочайшая тишина царила, впрочем, лишь несколько секунд. Неприятельские разведчики выбежали из чащи на открытую лужайку и разразились яростными воплями, увидев своего мертвого товарища. Однако, как только краснокожие приблизились к труп и окружили его, слышались торжествующие возгласы. Зная индейские обычаи, Зверобой сразу догадался, почему у них изменилось настроение. Вой выражал сожаление о смерти воина, а ликующие крики – радость, что победитель не успел снять скальп; без этого трофея победа врага считалась неполной.

Пирог находились на таком расстоянии, что ирокезы и не пытались напасть на победителя; американский индеец, подобно пантере своих родных лесов, редко набрасывается на врага, не будучи заранее уверен в успехе.

Молодому человеку не к чему было больше мешкать возле мыса. Он решил связать пироги вместе, чтобы отбуксировать их к «замку». Привязав к корме одну пирогу, Зверобой попытался нагнать другую, дрейфовавшую в это время по озеру. Всмотревшись пристальнее, охотник поразился: судно, сверх ожидания, подплыло к берегу гораздо ближе, чем если бы оно просто двигалось, подгоняемое легким ветерком. Молодой человек начал подозревать, что в этом месте существует какое-то невидимое подводное течение, и быстрее заработал веслами, желая овладеть пирогой, прежде чем та очутится в опасном соседстве с лесом.

Приблизившись, Зверобой заметил, что пирога движется явно быстрее, чем вода, и, повернувшись бортом против ветра, направляется к суше. Еще несколько мощных взмахов весла – и загадка объяснилась: по правую сторону пироги что-то шевелилось: при ближайшем рассмотрении оказалось, что это голая человеческая рука. На дне лодки лежал индеец и мед-

ленно, но верно направлял ее к берегу, загребая рукой, как веслом. Зверобой тотчас же разобрался в этой хитроумной проделке. В то время как он схватился со своим противником на мысу другой дикарь подплыл к лодке и завладел ею.

Убедившись, что индеец безоружен, Зверобой, не колеблясь, нагнал удалявшуюся лодку. Лишь только плеск весла достиг слуха индейца, он вскочил на ноги и, пораженный неожиданностью, издал испуганное восклицание.

– Если ты вдоволь позабавился пирогой, краснокожий, – хладнокровно сказал Зверобой, остановив свою лодку как раз вовремя, чтобы избежать столкновения, – если ты вдоволь позабавился пирогой, то с твоей стороны самое благоразумное – снова прыгнуть в озеро. Я человек рассудительный и не жажду твоей крови, хотя немало людей увидели бы в тебе просто ордер на получение денег за скальп, а не живое существо. Убирайся в озеро сию минуту, а не то мы поссоримся!

Дикарь не знал ни слова по-английски, но угадал общий смысл речи Зверобоя по его жестам и выражению глаз. Быть может, и вид карабина, лежавшего под рукой у бледнолицего, придал прыти индейцу. Во всяком случае, он присел, как тигр, готовящийся к прыжку, испустил громкий вопль, и в ту же минуту его нагое тело исчезло в воде. Когда он вынырнул, чтобы перевести дух, то был уже на расстоянии нескольких ярдов от пироги. Беглый взгляд, брошенный им назад, показал, как сильно он боялся прибытия рокового посланца из карабина своего врага. Но тот не выказывал никаких враждебных намерений. Твердой рукой привязав пирогу к двум другим, Зверобой начал грести прочь от берега. Когда индеец вышел на сушу и встряхнулся, как спаниель⁴⁰, вылезший из воды, его грозный противник уже находился за пределами ружейного выстрела и плыл по направлению к «замку». По своему обыкновению, Зверобой не упустил случая поговорить с самим собой обо всем происшедшем.

– Ладно, ладно, – начал он, – нехорошо было бы убить человека без всякой нужды. Скальпы меня не прельщают, а жизнь слишком хорошая штука, чтобы белый отнимал ее так, за здорово живешь, у человеческого существа. Правда, этот дикарь – минг, и я не сомневаюсь, что он был, есть и всегда будет сущим гадом и бродягой. Но для меня это еще не повод, чтобы позабыть о моих обязанностях. Нет, нет, пусть его удирает. Если мы когда-нибудь встретимся снова с ружьями в руках, что ж, тогда посмотрим, у кого сердце тверже и глаз быстрее. Соколиный Глаз! Недурное имя для воина и звучит гораздо мужественнее и благороднее, чем Зверобой. Для начала это очень сносное прозвище, и я его вполне заслужил. Будь Чингачгук на моем месте, он, вернувшись домой, похвалился бы своим подвигом и вожди нарекли бы его «Соколиный Глаз». Но мне хвастать не пристало, и потому трудно сказать, каким образом это дело может разгласиться.

Проявив в этих словах слабость, присущую его характеру, молодой человек продолжал грести так быстро, как только это было возможно, принимая во внимание, что на буксире шли две лодки. В это время солнце уже не только встало, но поднялось над горами на востоке и залило волнами яркого света озеро, еще не получившее свое имя. Весь окрестный пейзаж ослеплял своей красотой, и посторонний наблюдатель, не привыкший к жизни в лесах, никогда не мог бы поверить, что здесь только что совершилось дикое, жестокое дело.

Когда Зверобой приблизился к жилищу старого Хаттера, он подумал или, скорее, почувствовал, что внешний вид этого дома странным образом гармонирует с окружающим ландшафтом. Хотя строитель не преследовал иных целей, кроме прочности и безопасности, грубые, массивные бревна, прикрытые корой, выступающая вперед кровля и все контуры этого сооружения выглядели бы живописно в любой местности. А окружавшая обстановка придавала всему облику здания особую оригинальность и выразительность.

⁴⁰ С п а н и е л и – порода охотничьих собак, которых используют во время охоты на болотную и водяную птицу.

Однако когда Зверобой подплыл к «замку», другое зрелище возбудило его интерес и тотчас же затмило все красоты озера и своеобразной постройки. Джудит и Хетти стояли на платформе перед дверью, с явной тревогой ожидая его прибытия. Джудит время от времени смотрела на гребца и на пироги в подзорную трубу. Быть может, никогда эта девушка не казалась такой ослепительно прекрасной, как в этот миг. Румянец, вызванный волнением и беспокойством, ярко пылал на ее щеках, тогда как мягкое выражение ее глаз, свойственное и бедной Хетти, углубилось тревожной заботой. Так показалось молодому человеку, когда пироги поравнялись с ковчегом. Здесь Зверобой тщательно привязал их, прежде чем взойти на платформу.

Глава VIII

*Слова – обеты, клятвы – как оракул,
Любовь – от сердца, мысли – безупречны,
Гонцами сердца слезы у него:
Далек он ото лжи, как небо от земли.*

Шекспир. «Два веронца»⁴¹

Девушки не проронили ни слова, когда перед ними появился Зверобой. По его лицу можно было прочесть все его опасения за судьбу отсутствующих участников экспедиции.

– Отец?! – воскликнула наконец с отчаянием Джудит.

– С ним случилась беда, не к чему скрывать это, – ответил Зверобой, по своему обыкновению, прямо и просто. – Он и Непоседа попали в руки мингов, и одному небу известно, чем это кончится. Я собрал все пироги, и это может служить для нас некоторым утешением: бродягам придется теперь строить плот или добираться сюда вплавь. После захода солнца к нам на помощь явится Чингачгук, если мне удастся посадить его в свою пирогу. Тогда, думаю я, мы оба будем защищать ковчег и замок до тех пор, пока офицеры из гарнизона не услышат о войне и не постараются выволить нас.

– Офицеры! – нетерпеливо воскликнула Джудит, и щеки ее зарумянились еще сильнее, а в глазах мелькнуло живое волнение. – Кто теперь может думать или говорить об этих бессердечных франтах! Мы собственными силами должны защищать замок. Но что же случилось с моим отцом и с бедным Гарри Непоседой?

Тут Зверобой коротко, но толково рассказал обо всем, что произошло ночью, отнюдь не преуменьшая беды, постигшей его товарищей, и не скрывая своего мнения насчет возможных последствий.

Сестры слушали его с глубоким вниманием. Ни одна из них не проявила излишнего беспокойства, которое, несомненно, должно было вызвать подобное сообщение у женщин, менее привычных к опасностям и случайностям пограничной жизни. К удивлению Зверобоя, Джудит волновалась гораздо сильнее. Хетти слушала жадно, но ничем не выдавала своих чувств и, казалось, лишь про себя грустно размышляла обо всем случившемся. Впрочем, обе ограничились лишь несколькими словами и тотчас же занялись приготовлениями к утренней трапезе. Люди, для которых домашнее хозяйство привычное дело, продолжают машинально заниматься им, несмотря даже на душевные муки и скорбь. Простой, но сытный завтрак был съеден в мрачном молчании. Девушки едва притронулись к нему, но Зверобой обнаружил еще одно качество хорошего солдата: он доказал, что даже самые тревожные и затруднительные обстоятельства не могут лишить его аппетита. За едой никто не произнес ни слова, но затем Джудит заговорила торопливо, как это всегда бывает, когда сердечная тревога побеждает внешнее самообладание.

– Отец, наверное, похвалил бы эту рыбу! – воскликнула она. – Он говорит, что в здешних озерах лососина ничуть не хуже, чем в море.

– Мне рассказывали, Джудит, что ваш отец хорошо знаком с морем, – сказал молодой человек, бросая испытующий взгляд на девушку, ибо, подобно всем, знавшим Хаттера, он питал некоторый интерес к его далекому прошлому. – Гарри Непоседа говорил мне, что ваш отец был когда-то моряком.

⁴¹ Перевод М. Кузмина.

Сначала Джудит как будто смутилась, затем под влиянием совсем нового для нее чувства внезапно стала откровенной.

– Если Непоседа что-нибудь знает о прошлом моего отца, то жаль, что он не рассказал этого мне! – воскликнула она. – Иногда мне самой кажется, что отец был раньше моряком, а иногда я думаю, что это неправда. Если бы сундук был открыт или мог говорить, он, вероятно, поведал бы нам всю эту историю. Но запоры на нем слишком прочны, чтобы можно было разорвать их, как бечевку.

Зверобой повернулся к сундуку и впервые внимательно его рассмотрел. Краска на сундуке слиняла, и весь он был покрыт царапинами – следствие небрежного обращения, – тем не менее он был сделан из хорошего материала и умелым мастером. Зверобойю никогда не доводилось видеть дорожные вещи такого высокого качества. Дорогое темное дерево было когда-то превосходно отполировано, но от небрежного обращения на нем уцелело немного лака; всевозможные царапины и выбоины свидетельствовали о том, что сундуку приходилось сталкиваться с предметами еще более твердыми, чем он сам. Углы были прочно окованы – богато разукрашенной сталью, а три замка своим фасоном и отделкой могли бы привлечь внимание даже в лавке антиквара. Сундук был очень велик, и, когда Зверобой встал и попробовал приподнять его, взявшись за одну из массивных ручек, оказалось, что его вес в точности соответствует внешнему виду.

– Видели ли вы когда-нибудь этот сундук открытым? – спросил молодой человек с обычной бесцеремонностью пограничного жителя.

– Ни разу. Отец никогда не открывал его при мне, если вообще когда-нибудь открывал. Ни я, ни сестра не видели его с поднятой крышкой.

– Ты ошибаешься, Джудит, – спокойно заметила Хетти. – Отец поднимал крышку, и я это видела.

Зверобой прикусил язык; он мог, не колеблясь, допрашивать старшую сестру, однако ему казалось не совсем добропорядочным злоупотреблять слабоумием младшей. Но Джудит, не считавшаяся с подобными соображениями, быстро обернулась к Хетти и спросила:

– Когда и где ты видела этот сундук открытым, Хетти?

– Здесь, и много раз. Отец часто открывал сундук, когда тебя нет дома, потому что при мне он делает и говорит все, насколько не стесняясь.

– А что он делает и говорит?

– Этого я тебе не могу сказать, Джудит, – возразила сестра тихим, но твердым голосом. – Отцовские тайны – не мои тайны.

– Тайны? Довольно странно, Зверобой, что отец открывает их Хетти и не открывает мне!

– Для этого у него есть свои причины, Джудит, хоть ты их и не знаешь. Отца теперь здесь нет, и я больше ни слова не скажу об этом.

Джудит и Зверобой переглянулись с изумлением, и на одну минуту девушка нахмурилась. Но вдруг, опомнившись, она отвернулась от сестры, как бы сожалея о ее слабости, и обратилась к молодому человеку.

– Вы рассказали нам только половину вашей истории, – сказала она, – и прервали ее на том месте, когда заснули в пироге, или, вернее говоря, проснулись, услышав крик гагары. Мы тоже слышали крик гагары и думали, что он предвещает бурю, хотя в это время года на озере бури случаются редко.

– Ветры дуют и бури завывают, когда угодно богу – иногда зимой, иногда летом, – ответил Зверобой, – и гагары говорят то, что им подсказывает их природа. Было бы гораздо лучше, если бы люди вели себя так же честно и откровенно. Прислушавшись к птичьему крику и поняв, что это не сигнал Непоседы, я лег и заснул. Когда рассвело, я проснулся и отправился на поиски пирога, чтобы минги не захватили их.

– Вы рассказываете нам не все, Зверобой, – сказала Джудит серьезно. – Мы слышали ружейные выстрелы под горой на восточной стороне: эхо было гулкое и продолжительное и донеслось так скоро после выстрелов, что, очевидно, стреляли где-то вблизи от берега. Наши уши привыкли к таким звукам и обмануться не могли.

– На этот раз ружья сделали свое дело, девушка. Да, сегодня утром они исполнили свою обязанность. Некий воин удалился в счастливые охотничьи угодья, и этим все кончилось.

Джудит слушала затаив дыхание.

Когда Зверобой, по своей обычной скромности, видимо, хотел прервать разговор на эту тему, она встала и, перейдя через горницу, села с ним рядом. Она взяла охотника за его жесткую руку и, быть может бессознательно, сжала ее.

Ее глаза серьезно и даже с упреком поглядели на его загорелое лицо.

– Вы сражались с дикарями, Зверобой, сражались в одиночку, без всякой помощи, – сказала она. – Желая защитить нас – Хетти и меня, – быть может, вы смело схватились с врагом. И никто не видел бы вас, никто не был бы свидетелем вашей гибели, если бы провидение допустило такое великое несчастье!

– Я сражался, Джудит, да, я сражался с врагом, и к тому же первый раз в жизни. Такие вещи вызывают в нас смешанное чувство печали и торжества. Человеческая натура, по-моему, воинственная натура. Все, что произошло со мной, не имеет большого значения. Но, если сегодня вечером Чингачгук появится на утесе, как мы с ним условились, и я успею усадить его в лодку незаметно для дикарей или даже с их ведома, но вопреки их воле и желаниям, тогда действительно должно начаться нечто вроде войны, прежде чем минги овладеют замком, ковчегом и вами самими.

– Кто этот Чингачгук? Откуда он явился и почему придет именно сюда?

– Вопрос естественный и вполне законный, как я полагаю, хотя имя этого молодца уже широко известно в его родных местах. Чингачгук по крови могиканин, усыновленный делава-рами по их обычаю, как большинство людей его племени, которое уже давно сломилось под натиском белых. Он происходит из семьи великих вождей. Его отец Ункас был знаменитым воином и советником своего народа. Даже старый Таменунд уважает Чингачгука, даром что тот еще слишком молод, чтобы стать предводителем на войне. Впрочем, племя это так рассеялось и стало так малочисленно, что звание вождя у них – пустое слово. Ну, так вот, лишь только нынешняя война началась всерьез, мы с Чингачгуком сговорились встретиться подле утеса близ истока этого озера сегодня вечером, на закате, чтобы затем пуститься в наш первый поход против мингов. Почему мы выбрали именно здешние места – это наш секрет. Хотя мы еще молоды, но вы сами понимаете – мы ничего не делаем зря, не обдумав все как следует.

– У этого делава-ра не могут быть враждебные намерения против нас, – сказала Джудит после некоторого колебания, – и мы знаем, что вы наш друг.

– Надеюсь, что меньше всего меня можно обвинить в таком преступлении, как измена, – возразил Зверобой, немного обиженный тем проблеском недоверия, который мелькнул в словах Джудит.

– Никто, не подозревает вас, Зверобой! – пылко воскликнула девушка. – Нет, нет, ваше честное лицо может служить достаточно порукой за тысячу сердец. Если бы все мужчины так же привыкли говорить правду и никогда не обещали того, чего не собираются выполнить, на свете было бы гораздо меньше зла, а пышные султаны и алые мундиры не могли бы служить оправданием для низости и обмана.

Девушка говорила взволнованно, с сильным чувством. Ее красивые глаза, всегда такие мягкие и ласковые, метали искры. Зверобой не мог не заметить столь необычайного волнения. Но с тактом, который сделал бы честь любому придворному, он не позволил себе хотя бы единым словом намекнуть на это. Постепенно Джудит успокоилась и вскоре возобновила разговор как ни в чем не бывало:

– Я не имею права испытывать ваши тайны или же тайны вашего друга, Зверобой, и готова принять все ваши слова на веру. Если нам действительно удастся приобрести еще одного союзника-мужчину, это будет великой подмогой в такое трудное время. Если дикари убедятся, что мы можем удержать в своих руках озеро, они предложат обменять пленников на шкуры или хотя бы на бочонок пороха, который хранится в доме. Я надеюсь на это.

На языке у молодого человека уже вертелись такие слова, как «скальпы» и «премии», но, щадя чувства дочерей, он не решился намекнуть на судьбу, которая, по всей вероятности, ожидала их отца. Однако Зверобой был так не искушен в искусстве обмана, что зоркая Джудит прочитала мысль на его лице.

– Я понимаю, о чем вы думаете, – продолжала она поспешно, – и догадываюсь, что бы вы могли сказать, если бы не боялись огорчить меня... то есть нас обоих, так как Хетти любит отца не меньше, чем я. Но мы иначе думаем об индейцах. Они никогда не скальпируют пленника, попавшего к ним в руки целым и невредимым. Они оставляют его в живых – конечно, если свирепая жажда крови внезапно не овладеет ими. Я не боюсь, что они снимут скальп с отца, и за жизнь его я спокойна. Если бы индейцам удалось подобраться к нам в течение ночи, весьма вероятно, мы потеряли бы наши скальпы. Но мужчины, взятые в плен в открытом бою, редко подвергаются насилию, по крайней мере до тех пор, пока не наступает время пыток.

– Да, таков их обычай, и так они обыкновенно поступают. Но, Джудит, знаете ли вы, зачем ваш отец и Непоседа ходили к лагерю дикарей?

– Знаю, это было жестокое желание. Но как быть? Мужчины всегда останутся мужчинами. Даже те из них, которые ходят в мундирах, расшитых золотом и серебром, и носят офицерский патент⁴² в кармане, совершают такие же жестокости. – Глаза Джудит вновь засверкали, но отчаянным усилием воли она овладела собой. – Я всегда начинаю сердиться, когда подумаю, как гадки мужчины, – прибавила она, стараясь улыбнуться, что ей плохо удалось. – Все это глупости! Что сделано, то сделано, и причитаниями тут не поможешь. Но индейцы придают так мало значения пролитой крови и так высоко ценят храбрость, что, если бы они знали о замысле своих пленников, они даже стали бы уважать их за это.

– До поры до времени, Джудит, да, до поры до времени. Но, когда это чувство проходит, тогда рождается жажда мести. Нам с Чингачгуком надо постараться освободить Непоседу и вашего отца, потому что минги, без сомнения, проведут на озере еще несколько дней, желая добиться полного успеха.

– Значит, вы думаете, что на вашего делавара можно положиться, Зверобой? – задумчиво спросила девушка.

– Как на меня самого! Ведь вы говорите, что не сомневаетесь во мне, Джудит!

– В вас? – она опять схватила его руку и сжала ее с горячностью, которая могла бы пробудить тщеславие у человека, менее простодушного и более склонного гордиться своими хорошими качествами. – Я так же могла бы сомневаться в собственном брате! Я знаю вас всего лишь день, Зверобой, но за этот день вы внушили мне такое доверие, какое другой не мог бы внушить за целый год. Впрочем, ваше имя было мне известно. Гарнизонные франты частенько рассказывали об уроках, которые вы давали им на охоте, и все они называли вас честным человеком.

– А говорили они когда-нибудь о себе, девушка? – спросил Зверобой поспешно и рассмеялся своим тихим сердечным смехом. – Говорили ли они о себе? Меня не интересует, что они говорили обо мне, потому что я стреляю недурно, но какого мнения господа офицеры о своей собственной стрельбе? Они уверяют, что оружие – главный инструмент их ремесла. И, однако, иные из них совсем не умеют обращаться с ним.

⁴² В те времена в английской и других армиях чины продавались. Можно было купить патент, дававший его владельцу право на чин офицера.

– Надеюсь, это не относится к вашему другу Чингачгуку... Кстати, что значит это имя по-английски?

– Великий Змей. Так прозвали его за мудрость и хитрость. Настоящее его имя Ункас, все мужчины в их семье носят имя Ункас, пока не заслужат своими делами другого прозвища.

– Раз он действительно так мудр, то будет нам полезен, если только ему не помешают его собственные дела.

– В конце концов, ничего худого не случится, если я расскажу вам все. Очень может быть, что вы даже придумаете, как помочь нам. Поэтому я открою этот секрет вам и Хетти в надежде, что вы будете хранить его, как свой собственный. Надо вам сказать, что Чингачгук очень видный собой индеец, и на него часто заглядываются молодые женщины его племени. Ну так вот, есть там один вождь, а у вождя – дочь, по имени Уа-та-Уа, что по-английски значит: «Тише, о тише!», это самая красивая девушка в стране делаваров. Все молодые воины мечтали взять ее себе в жены. Но случилось так, что Чингачгук полюбил Уа-та-Уа и Уа-та-Уа полюбила Чингачгука.

Зверобой на мгновение смолк. Хетти Хаттер, покинув свое место, подошла к охотнику и жадно слушала, как ребенок, увлеченный сказкой, которую рассказывает мать.

– Да, он полюбил ее, и она полюбила его, – продолжал Зверобой, бросив дружелюбный и одобрительный взгляд на простодушную девушку. – А когда так случается и старшины не возражают, то молодую парочку редко удастся разлучить. Само собой разумеется, Чингачгук не мог захватить подобный приз, не нажив множества врагов из числа тех, которые добивались того же, что и он. Некто Терновый Шип, как зовут его по-английски, или Йокоммон, как его называют индейцы, ближе всех принял к сердцу это дело, и мы подозреваем его руку во всем, что случилось дальше. Два месяца назад Уа-та-Уа отправилась с отцом и матерью на ловлю лососей к Западным ручьям, где, как вам известно, водится пропасть рыбы, и вдруг девушка там исчезла. Несколько недель подряд мы ничего не знали о ней, но дней десять назад гонец, проходивший через земли делаваров, рассказал нам, что Уа-та-Уа украли у ее родителей и что она теперь находится во власти враждебного племени, которое приняло ее в свою среду и хочет выдать замуж за одного молодого минга. Гонец сообщил, что охотники из этого племени должны месяца два провести в здешних местах, прежде чем вернуться обратно в Канаду, и, если мы отправимся туда на поиски девушки, нам, быть может, удастся ее выручить.

– А какое вам дело до этого, Зверобой? – спросила Джудит с некоторым беспокойством.

– Все, что касается моего друга, касается и меня. Я пришел сюда помочь Чингачгуку и, если удастся, спасти девушку. Это доставит мне почти такую же радость, как если бы я освободил мою собственную возлюбленную.

– А где же ваша возлюбленная, Зверобой?

– Она в лесу, Джудит, она падает с ветвей деревьев вместе с каплями дождя, она росой ложится на траву, она плывет с облаками по голубому небу, она поет вместе с птицами, она течет звонкими ручьями, из которых я утоляю жажду, она во всех прекрасных дарах, которыми мы обязаны благому провидению.

– Вы хотите сказать, что до сих пор не любили ни одной женщины, а любили только охоту и жизнь лесу?

– Вот именно, вот именно! Нет, нет, я еще не хворал этой болезнью и надеюсь остаться в добром здоровье, по крайней мере, до конца войны. Дело Чингачгука и без того потребует много хлопот, так что лишний груз на шее мне ни к чему.

– Девушка, которая когда-нибудь победит вас, Зверобой, завоюет, по крайней мере, честное сердце, сердце, не знающее измены и лукавства. А такой победе может позавидовать каждая женщина.

Когда Джудит говорила эти слова, ее красивое лицо гневно хмурилось и горькая улыбка скользила по губам. Собеседник заметил эту перемену, и, хотя он не привык угадывать тайны

женского сердца, врожденная деликатность подсказала ему, что лучше всего переменить тему разговора.

Так как до часа, назначенного Чингачгуком, было еще довольно далеко, у Зверобоя осталось достаточно времени, чтобы изучить все средства обороны «замка» и принять необходимые меры, какие требовались обстоятельствами. Впрочем, Хаттер, с его богатым опытом, так все предусмотрел, что невозможно было изобрести что-нибудь новое – в этом отношении. «Замок» находился так далеко от берега, что выстрелов оттуда нечего было бояться. Правда, пуля из мушкета достала бы на таком расстоянии, но о точном прицеле не могло быть речи, и даже Джудит пренебрегала опасностью с этой стороны. Итак, пока в руках наших друзей оставалась крепость, им ничто не угрожало. Конечно, нападающие, подплыв к «замку», могли бы его штурмовать, или поджечь, или же прибегнуть еще к каким-либо уловкам, внушенным индейским коварством. Но против пожара Хаттер принял все нужные предосторожности, да и сама постройка, если не считать берестяной кровли, не так-то легко бы загорелась. В полу было проделано несколько отверстий, и под рукой находились ведра с веревками. В случае пожара любая из девушек легко могла потушить огонь, не дав ему разгореться. Джудит, зная все оборонительные планы отца и достаточно смелая, чтобы принимать участие в их выполнении, рассказала Зверобой о них во всех подробностях и тем избавила его от напрасной траты сил и времени на личный осмотр.

Днем бояться было нечего. Помимо пирога и ковчега, на всем озере не было видно ни единого судна. Правда, плот можно было построить довольно быстро – у самой воды валялось множество деревьев. Однако, если бы дикари серьезно решились на штурм, им вряд ли удалось бы до наступления темноты подготовить необходимые средства переправы. Тем не менее недавняя гибель одного из воинов могла придать им прыти, и Зверобой полагал, что наступающая ночь будет решающей. Поэтому юноша очень хотел, чтобы его друг-могиканин прибыл поскорее. С нетерпением поджидал он солнечного заката.

В течение дня обитатели «замка» продумали план обороны и закончили необходимые для этого приготовления. Джудит была очень оживлена, и, видимо, ей было приятно совещаться обо всем с новым знакомым. Его равнодушие к опасности, мужественная преданность и невинное простодушие заинтересовали и пленили ее. Зверобой казалось, что время идет очень медленно, но Джудит не замечала этого, и, когда солнце начало склоняться к лесистым вершинам западных холмов, она выразила удивление, что день кончился так скоро. Зато Хетти была задумчива и молчалива. Она никогда не была болтлива, и если иногда становилась разговорчивой, то лишь под влиянием какого-нибудь события, возбуждавшего ее бесхитростный ум. В этот памятный день она словно на несколько часов лишилась языка. Тревога за участь отца ничем не нарушила привычек обеих сестер. Да они, впрочем, и не ожидали никаких дурных последствий от его пребывания в плену, и Хетти раза два выражала надежду, что Хаттер сумеет освободиться. Джудит была не так спокойна на этот счет, но и она полагала, что ирокезы захотят получить выкуп за пленников, как только убедятся, что никакие военные хитрости и уловки не помогут им захватить «замок». Зверобой, однако, считал все эти надежды просто девическими фантазиями и продолжал серьезно и упорно готовиться к обороне.

Наконец пришло время отправиться на место свидания с могиканином, или делаваром, как чаще называли Чингачгука. Зверобой предварительно обдумал план действий, подробно растолковал его обеим сестрам, и все трое дружно и ревностно принялись за работу. Хетти перешла в ковчег, связала вместе две пироги и, спустившись в одну из них, направила их в некое подобие ворот в палисаде, окружавшем «замок». Затем она привязала обе лодки под домом цепями, которые были прикреплены к бревнам. Палисад состоял из древесных стволов, прочно вбитых в ил, и служил двойной цели: он ограждал небольшое замкнутое пространство, которым можно было пользоваться для различных надобностей, и вместе с тем мешал неприятелю приблизиться к лодкам. Таким образом пироги, введенные в док, до некоторой степени

были защищены от посторонних глаз, а если бы их и увидели, то вывести их оттуда при закрытых воротах было бы трудно. Джудит, сев в третью пирогу, также выехала за ворота, а Зверобой в это время запирает в доме все окна и двери. Там все было массивно и крепко и засовами служили стволы небольших деревьев. Поэтому, после того как Зверобой закончил свою работу, потребовалось бы не меньше двух часов, чтобы проникнуть внутрь постройки, даже если бы осаждающие могли пустить в ход еще какие-нибудь инструменты, кроме боевых топоров, и не встретили бы при этом никакого сопротивления. Все эти меры предосторожности Хаттер изобрел после того, как во время частых отлучек его раза два обокрали белые бродяги, которых много шатается на границе.

Как только жилище было наглухо закрыто изнутри, Зверобой подошел к люку спустился в пирогу Джудит. Тут он запер подъемную дверь массивной балкой и здоровенным замком. Хетти тоже перебралась в эту пирогу, и они выплыли за пределы палисада. Потом замкнули ворота и ключи отнесли в ковчег. Теперь внутрь жилища можно было проникнуть лишь с помощью взлома или тем же путем, каким Зверобой выбрался оттуда.

Разумеется, Зверобой захватил с собой подзорную трубу и теперь, насколько это было возможно, внимательно разглядывал побережье. Нигде не было видно ни единого живого существа, только несколько птиц порхало в тени деревьев, как бы спасаясь от послеполуденного зноя. Особенно тщательно Зверобой осмотрел соседние с «замком» места, чтобы выяснить, не сооружается ли где-нибудь плот. Но повсюду царило пустынное спокойствие.

Здесь надо в нескольких словах объяснить, в чем заключалась главная трудность для наших друзей. Тогда как зоркие глаза неприятеля имели полную, возможность наблюдать за ними, все передвижения мингов были скрыты покровом густого леса. Воображение невольно преувеличивало число врагов, таившихся в лесной чаще, в то время как любой наблюдатель, занявший позицию на берегу, ясно видел, как слаб гарнизон, оборонявший «замок».

— До сих пор нигде никто не шевельнулся! — воскликнул Зверобой, опустив наконец трубу и собираясь войти в ковчег. — Если бродяги замышляют недоброе, они слишком хитры, чтобы действовать открыто. Быть может, они уже мастерят в лесу плот, но еще не перетащили его на озеро. Они не могут догадаться, что мы собираемся покинуть замок, а если бы догадались, то им неоткуда узнать, куда мы хотим плыть.

— Совершенно верно, Зверобой, — подхватила Джудит, — и теперь, когда все готово, мы должны, не боясь погони, двинуться вперед, иначе мы опоздаем.

— Нет, нет, это надо делать с оглядкой. Хоть дикари еще и не знают, что Чингачгук поджидает нас на утесе, но у них есть глаза и ноги. Они увидят, куда мы плывем, и, уж конечно, последуют за нами. Я, впрочем, постараюсь надуть их и буду направлять баржу то туда, то сюда, пока они не устанут, гоняясь за нами.

Зверобой, насколько мог, исполнил свое обещание. Не прошло и пяти минут, как друзья вошли в ковчег и отчалили от «замка». С севера дул легкий ветерок. Смело развернув парус, молодой человек направил нос неуклюжего судна таким образом, что, учитывая силу течения, они должны были приблизиться к восточному берегу миль в двух ниже «замка». Ковчег не отличался быстроходностью, но все же мог плыть со скоростью от трех до четырех миль в час. А между «замком» и утесом было лишь немногим больше двух миль. Зная пунктуальность индейцев, Зверобой очень точно рассчитал время, чтобы в зависимости от обстоятельств достигнуть назначенного места лишь с небольшим опозданием или же немного ранее назначенного часа. Когда молодой охотник поднял парус, солнце стояло высоко над западными холмами: до заката оставалось еще часа два. После, пятиминутных наблюдений Зверобой убедился, что баржа плывет с достаточной скоростью.

Стоял чудесный июньский день, и пустынное водное пространство меньше чем когда-либо напоминало арену жестокой поверхности озера, как бы не желая возмущать его зеркальную гладь. Даже леса, казалось, дремали на солнце, над северной частью горизонта, словно ее

поместили там нарочно для украшения пейзажа. Иногда водяные птицы мелькали над озером, а порою можно было видеть одинокого ворона, парившего высоко над деревьями и зорким взглядом окидывавшего лес в надежде заметить живое существо, которым он смог бы поживиться.

Читатель, наверное, заметил, что, несмотря на свойственную резкость и порывистость в обращении, Джудит выражалась значительно грамотнее и изысканнее, чем окружавшие ее мужчины, в том числе и ее отец.

По своему воспитанию Джудит и ее сестра вообще заметно выделялись среди девушек их круга.

Офицеры ближнего гарнизона не очень преувеличивали, когда уверяли Джудит, что даже в городе найдется не много дам с такими манерами.

Своим воспитанием девушки обязаны были матери.

Кем была их мать, знал только старый Хаттер. Она умерла два года назад, и, как об этом рассказывал Гарри, муж похоронил ее на дне озера. Пограничные жители часто обсуждали между собой вопрос, почему он так поступил: из презрения ли к предрассудкам или из нежелания утруждать себя рытьем могилы?

Джудит никогда не посещала то место, где опустили в воду ее мать, но Хетти присутствовала при погребении и часто на закате или при свете луны направляла туда свой челн. Целыми часами смотрела она в прозрачную воду, словно надеясь увидеть смутный образ той, которую она так нежно любила с детских лет и до печального часа – вечной разлуки.

– Скажите, неужели мы должны подплыть к утесу как раз в ту минуту, когда зайдет солнце? – спросила Джудит молодого человека. Они стояли рядом на корме: он – с рулевым веслом, а она – с рукодельем; девушка вышивала узоры на своем платье, что было неслыханным новшеством в лесах. – Разве несколько минут могут изменить дело? А ведь очень опасно долго оставаться близко от берега.

– В этом-то и вся трудность, Джудит. Утес находится как раз на расстоянии ружейного выстрела от мыса, и потому к нему нельзя подплыть ни слишком быстро, ни на очень долгое время. Когда вы имеете дело с индейцами, надо все предугадать и все высчитать заранее: у краснокожих такая уж натура, что они любят разные хитрости. Теперь, как видите, Джудит, я правлю совсем не к утесу, гораздо восточнее его, чтобы дикари побежали в ту сторону и зря натрудили бы себе ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.